

Кафедра Социологии Международных Отношений
Социологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова

Геополитика

Информационно-аналитическое издание

Тема выпуска:

**ВОСТОЧНАЯ
Е В Р О П А**

Выпуск X

Москва 2011 г.

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск X, 2011. - 120 стр.

Печатается по решению кафедры
Социологии Международных Отношений
Социологического факультета МГУ им М.В. Ломоносова.

Главный редактор:
Савин А.В.

Научно-редакционный совет:
Агеев А.И., докт. эконом. наук
Добаев И.П., докт. философ. наук
Дугин А.Г., докт. полит. наук
Комлева Н.А., докт. полит. наук
Майтдинова Г. М., докт. истор. наук
Мелентьева Н.В., канд. философ. наук
Попов Э.А., докт. философ. наук
Черноус В.В., канд. философ. наук
Четверикова О.Н., канд. ист. наук
Альберто Буэла (Аргентина)
Тиберио Грациани (Италия)
Мехмет Перинчек (Турция)
Матеуш Пискорски (Польша)

© – авторы.

Адрес редакции:

РФ, 115432 г. Москва, 2-й Кожуховский пр. д 12, стр. 2

Тел. (495) 679 25 11

Факс (495) 783 68 66

Geopolitika.ru@gmail.com

www.geopolitika.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Политико-географические образы Центральной и Восточной Европы и геополитическая организация региона	4
<i>Бовдунов А.Л.</i>	
Расширение НАТО и геополитическое положение Сербии	18
<i>Миломир Стетич</i>	
Проект Межморья и геополитика региональных рисков	45
<i>Савин Л.В.</i>	
Роль Восточной Европы в геополитической конфигурации европейского континента	56
<i>Шаповалова А.И.</i>	
Балканский Союз – альтернатива Союзу Европейскому?.	69
<i>Октавиан Раку</i>	
Глобализация и Европейский союз.	75
<i>Эрик Гермушка</i>	
Белорусы и проблема «родного языка»	82
<i>Шимов В.В.</i>	
Внешняя политика малых стран: Геополитическая мифология Армении и Нагорного-Карабахской республики	96
<i>Лурье С. В.</i>	
Рецензии.	105
Июнь 2011 г. События и последствия	115
<i>Группа геополитического анализа и мониторинга</i>	
Сведения об авторах	118

Политико-географические образы Центральной и Восточной Европы и геополитическая организация региона

Бовдунов А.А.

Политико-географические образы и концепция ориентализма: теоретические и методологические совпадения

Когда заходит речь о Восточной Европе, как правило, никому не нужно пояснять, с чем мы имеем дело, это понятие уже нагружено неким смыслом, который не позволяет задавать на первых порах такой вопрос, однако то, что ни в социальных науках, ни в практической политике не существует единообразного представления о границах этого явления, наталкивает на размышления. Неопределенность и размытость самого понятия «Восточная Европа» во многом обусловлены двойственной природой этого концепта. С одной стороны, оно постоянно используется в современной международной политике, международно-политической и внутривосточной практике. Иногда используется понятие Восточной Европы, иногда те же самые страны относятся к Европе Центральной. В последние 20 лет распространение получило понятие Центральной и Восточной Европы. Более того, споры относительно термина могут приобретать ожесточенный характер, что позволяет предположить, что название региона само по себе не является нейтральным, оно наполнено множеством смыслов, и в зависимости от того, какое название для региона мы выбираем, мы эти смыслы заново утверждаем.

В этом контексте оно само по себе обладает определенной силой воздействия и может рассматриваться в терминологии отечественного географа Д.Н. Замятина как географический образ¹, аффицирующий действия как внешнеполитических, так и внутривосточных акторов. Такой образ отражает не конкретную географическую реальность, но скорее является частью ментальной карты, «созданного человеком изображением части окружающего пространства, отражающего мир, как его представляет себе человек²», то есть социальным представлением об определенной части пространства.

Д.Н. Замятин отмечает, что поворот к проблеме географических образов в географической науке возник по мере расши-

рения предметного поля политической географии, там, где в центре внимания исследователя оказались проблемы связи пространства географического и общественной жизни. «Развитие целой индустрии культурного наследия повело к осознанию важности формирования и культивирования образов тех или иных географических мест. Место, по сути, не стало фиксироваться в традиционных географических координатах, но выступало уже скорее как собственный образ или их совокупность. Подобная методологическая ориентированность базировалась на признании важности географического воображения, которое опиралось на реальное, физическое место, но затем разрабатывало на этой основе необходимые ему образы». Особое значение для нас имеют образы политико-географические или геополитические в терминологии Замятина. «Специфика политического мышления, в особенности структура традиционных политических переговоров, известный схематизм этого типа мышления и сравнительно высокая нацеленность на достижение политического компромисса ведут, как правило, к формированию довольно простых, четких и выпуклых политико-географических (геополитических) образов. Характерно, что в дальнейшем эти политико-географические образы могут формировать и достаточно сложную, разветвленную и часто иерархизированную единую систему — геополитическую картину мира», - пишет российский автор³. Геополитическая динамика зачастую может быть описана как динамика географических образов, более того, если мы выделим в географическом образе дискурсивную составляющую, то нетрудно увидеть на примере конкретных образов, как

они, выступая в качестве правящих дискурсов, начинают выполнять чисто политические функции власти и контроля.

Изучение географические образы, как отмечает российский исследователь Алексей Миллер, в западной географической и общественно политической мысли воплотилось в появлении такого направления как «ментальная картография», введенного Е.С.Толманом в 1948 г. Главные работы по этой тематике в 70-е годы были выполнены географом Р.М.Доунзом и психологом Д.Стеа. Эти авторы определяют ментальную картографию как «абстрактное понятие, охватывающее те ментальные и духовные способности, которые дают нам возможность собирать, упорядочивать, хранить, вызывать из памяти и перерабатывать информацию об окружающем пространстве». «Следовательно, ментальная карта – это «созданное человеком изображение части окружающего пространства./ ... / Она отражает мир так, как его себе представляет человек, и может не быть верной. Искажения действительно очень вероятны». Для представителей социальных наук в ментальной картографии интересны процессы формирования этих карт и присутствующих в них географических образов, то есть, если применять терминологию и методологию М. Фуко дискурсивные практики по формированию различных схем географического пространства и наделению тех или иных его частей определенными характеристиками»⁴.

Обращаясь к представителям исторической науки, Миллер упоминает, что прежде, чем писать об истории Центральной либо Восточной Европы, «дискурсы о Центральной Европе

сами должны быть предметом исторического, или, если угодно, историко-политологического исследования, прежде всего в области истории идей. Только выяснив для себя разнообразные интересы и “тенденциозности”, связанные с различными концепциями Центральной Европы, историки могут использовать понятие Центральная Европа как инструмент исторического исследования. В противном случае тенденциозность даже помимо воли исследователя будет проникать в их труды вместе с самим понятием»⁵. Думаем, что этот призыв актуален не только для историков, но и для социологов и политологов, в особенности международных, занимающихся Восточной Европой или иным географическим регионом.

Именно этим в отношении концепта «Восточной Европы» занялся американский ученый Лари Вульф в своем знаменитом труде «Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения». В этой достаточно известной книге он показывает, как создавался дискурс Восточной Европы и конструировался этот географический образ, отмечая, что «Восточная Европа» с тех самых пор, когда это понятие входит в язык политиков, всегда рассматривалась как нечто ущербное по отношению к Европе Западной. На «Восточной Европе» так же как на «Балканах» лежит печать недоразвитости, агрессивности, неустроенности, отставания в развитии и несоответствия общепринятым европейским социальным, политическим, культурным и экономическим стандартам. Эта печать не может быть снята хотя бы потому, что самому процессу создания образа Восточной Европы и было наделение ее этими атрибутами. Такой географический образ схож с рассматриваемый Эдвардом Саидом образом «Востока» как сконструированной западными европейцами реальности, за которыми скрываются колониалистские интенции Запада⁶.

Автор концепции ориентализма Эдвард Саид в своей книге «Ориентализм. Западные концепции Востока» утверждает, что само понятие «Восток» - исключительно западный концепт, навязанный азиатским и вообще незападным странам как единственно реальный и адекватный. Одной из целей создания образа Востока как страны загадочной и притягательной, но отсталой и нуждающейся в помощи цивилизованного и просвещенного Запада, является оправдание западного колониализма, второй – конструирование образа «Другого» по отношению к Западу. Таким образом, создавая концепт Востока, Запад и утверждает

самого себя в качестве Запада, в качестве не-варваров, в качестве центра просвещения, ума, науки, узаконивая на ментальном уровне отношения неравенства, колониального господства, либо претензий на такое господство по отношению к тем, странам, которые он рассматривает как «восточные».

С методологической точки зрения для интересно то, что Саид напрямую подходит к понятию географического образа и его политической функции, показывая, какую роль географический образ играет в геополитике. По Саиду существует два пространства. Одно – реальное, географическое. Второе – образное. Сначала создается образ Востока в интеллектуальном пространстве, который затем проецируется на реальность и используется как элемент управления, политической манипуляции⁷.

Восточная Европа или «Восток» Европы?

Концепцию Саида, применительно к географическому образу Восточной Европы и развивает Лари Вульф. Сам ориентализм, говорит Вульф, «это стиль, с помощью которого Запад подавлял, переключал и подчинял себе Восток». Современный

российский исследователь Восточной Европы Алексей Миллер, уже упоминавшийся ранее, в предисловии к изданию книги американского ученого на русском языке, суммируя главную идею работы, отмечает, что «Вульф описывает создание образа Восточной Европы как проект полуориентализации, в котором главной характеристикой обществ этой части континента становится некое переходное состояние между цивилизованным Западом и варварским Востоком, когда усвоение Запада оказывается поверхностным, а основа этих обществ оказывается варварской»⁸.

Образ Восточной Европы создается как один из субпродуктов ориентализма, показывает Вульф. С началом эпохи Просвещения и созданием описанного выше образа Востока, создается географический образ зоны, находящейся между чистым «Востоком» и чистым «Западом». Эта зона и получает название «Восточной Европы» и по отношению к ней начинают применяться стратегии, схожие со стратегиями ориентализации.

Если до эпохи Просвещения граница между цивилизацией и варварством в сознании европейцев проходила по линии Север-Юг, и образу культурного Средиземноморья противостоял варварский германский Север то с началом Нового Времени и появлением ориенталистского дискурса в сознании людей Запада происходят существенные перемены, позволяющие им поместить образ значимого «Другого» на Восток, таковым Другим оказываются, как отмечает и Вульф, и норвежский социолог Ивэр Нойманн, Османская империя, а потом Россия⁹.

Восточная Европа, «открытая» в таком качестве в начале XVIII века, сначала воспринималась как «внутренний Восток», или «Восток Европы», непосредственно примыкающий к османским владениям и территории России. Появившиеся тогда элементы восточноевропейского дискурса до сих пор довлеют над сознанием людей Запада, из века в век разделяя Европу на две половины. Действительно, в XVIII веке впервые появляется и затем уже не исчезает представление о Восточной Европе как о «варварском крае» и «Склавонии», территории преимущественно со славянским населением; вызванный восстанием Ракоши интерес к венграм как со стороны поддерживающей ее французской короны и ее географов, так и со стороны ученых, поддерживавших Габсбургов, привносит в формирующийся образ восточной окраины континента и противоречивое представление об изначальной дикости, элементах «азиатчины» и свободолюбии здешних народов, стремящихся разорвать оковы рабства¹⁰.

Изданный в 1720 году в Амстердаме Atlas Historique кроме вышеупомянутых моментов отражал еще один важный элемент, который закрепится в представлении западноевропейцев, а потом и американцев о Восточной Европе, а именно восприятие ее как чего-то архаичного, отсталого, в Восточной Европе словно концентрировалось прошлое, которое Запад преодолевал. Территории, относящиеся к этому региону, в отличие от Европы Западной, в этом атласе обязательно подписаны как современными, так и древними латинскими названиями (например, Венгрия и Паннония, Болгария и Мезия, Валахия и Дакия). Такое обозначение и отсылка к архаике служили маркером «восточноевропейскости», что показывает пример Богемии, древнего латинского названия которой не существовало, но поскольку авторы атласа стремились отнести ее к Восточной Европе, то они такое название (Voiohemum) просто выдумали¹¹. То, что такое представление о Восточной Европе не только не преодолено, но продолжает культивироваться западными СМИ и кинематографом, показывают как исследования российских ученых, например, работа Н.Н. Клочко «Образы Европы в современных национальных дискурсах (на примере антропоморфной метафорике)»¹², так и публикации западноевропейских исследователей¹³ и их восточноевропейских коллег¹⁴, в частности бельгийского геополитика и политического философа Р. Стойкерса «Об образе Румынии в мире» и албанского социолога Гезим «Western Media and the European “Other”: Images of Albania in the British Press in the New Millennium»).

Обращаясь к дискурсивному анализу Вульф (в меньшей мере) и Сайд в (большой) следуют за Мишелем Фуко в стремлении вскрыть властные дискурсы, конституирующие отношения господства и подчинения¹⁵. Дискурс - это не невинное говорение, как отмечает английский ученый Томас Диез¹⁶, но политический акт, вписывающий определенный вопрос в политический контекст.

Дискурс «ориентализма» или Восточной Европы, отделяя низших от высших, «цивилизованных» от «дикарей», устанавливает специфические властные отношения, в которых восточноевропейцам всегда уготована роль ведомых, тех, кто подчиняется, цивилизуется, рискуя так и никогда не цивилизоваться, пока данный дискурс не будет снят.

Другие дискурсы могут, наоборот, «европеизировать» различные культуры и страны. Для Восточной Европы характерным

примером может служить дискурс эллинизма, благодаря которому Греция оказалась вне этого географического образа. Как показал в своем интереснейшем исследовании «Черная Афина: Афро-азиатские корни классической цивилизации: Фабрикация античной Греции» Мартин Берналь, эта интеллектуальная традиция, наоборот, устранила из европейского восприятия Греции все следы восточных, азиатских и даже африканских влияний не только в современной греческой, но и древнегреческой культуре¹⁷.

Дискурс «Центральной Европы» и его геополитическая функция

Учитывая те коннотации, которые несет с собой образ Восточной Европы, неудивительны предпринимаемые интеллектуальными и политическими элитами стран этого региона попытки по элиминации этого дискурса. Создание дискурса Центральной Европы восточноевропейскими интеллектуалами во второй половине XX века можно интерпретировать именно так. Существовавшие ранее представления о Центральной Европе в их негерманистских версиях, связанные с движением австрославизма, утратили свою идеологическую силу с исчезновением самой Австро-Венгрии. Одним из первых, если не самым первым, кому удалось оживить дискурс Центральной Европы в ее новом понимании, стал Милан Кундера в статье «Трагедия Центральной Европы». За ним потянулись и другие представители интеллигенции, создавшие миф о «Центральной Европе», которая по уровню культуры и цивилизованности ничем не уступала Западной, но была насильственно вырвана из привычного для себя культурного, политического и экономического контекста «с приходом Красной Армии»¹⁸. Само диссидентское движение, выступившее под «центральноевропейскими» знаменами», пользовалось как материальной, так и политической и информационной поддержкой стран Запада, прежде всего США. Кроме того, как отмечает Алексей Миллер, цитируя американского историка Тони Джадта, Кундера был не первым восточноевропейским эмигрантом, который сожалел о судьбе «растоптанной большинством» Центральной Европы, но его статья, отражавшая настрой многих восточноевропейских интеллектуалов, пришлось ко двору противников советского блока в изменившейся геополитической ситуации. Кроме общей заинтересованности Запада и прежде всего США в ослаблении социалистического блока и его европейской составляющей имели место и другие интересы,

а также взаимодействие интересов, тенденций развития мировой системы и конкретных действий, предпринимаемых ведущими мировыми акторами. «Несколько важных событий и процессов совпали во времени, чтобы сделать западную публику восприимчивой к таким речам», - пишет Алексей Миллер. - «Это упадок западных коммунистических партий и вообще марксистски ориентированных левых, вторжение СССР в Афганистан, польская “Солидарность”. Важно было также возрождение внимания к теме прав человека в западной политической теории. Для некоторых западноевропейских, в особенности французских, радикалов, дискурс о Центральной Европе стал также сферой проекции их собственных идей об эмансипации Европы от США. Осуществить это могла Европа, объединяющая восток и запад континента. Новое и особое значение приобрела тема Центральной Европы в Германии, где ее пытались приспособить к решению главной задачи “восточной политики” — будущего объединения страны¹⁹».

Политической целью правящих элит стран «Восточной Европы» после падения социалистической системы стало окончательное избавление от слова «восточный», символизировавшего коммунистическое прошлое. Последовало насаждение «центральноевропейской региональной идентичности»²⁰. Компромиссом с этой интенцией и принятым ранее названием региона стало понятие «Центральной и Восточной Европы», хотя Госдепартамент США из политических соображений в 1994 году отказался и от него, приняв инструкцию, в которой предписывалось использовать вместо понятия «Центральная и Восточная Европа» определение «Центральная Европа»²¹.

И термин «Восточная Европа», и термин «Центральная Европа» имеют преимущественно политическое наполнение. Пытаясь дать этому понятию, наполнение географическое, чешский геополитик Оскар Крейчи сталкивается с тем, что этот регион не имеет естественных геополитических границ и потому говорит преимущественно об идее Центральной Европы²². Как пишет Алексей Миллер: «Политологи практически едины в том, что самостоятельного политического субъекта по имени Центральная Европа нет и не было. Но очевидно, что Центральная Европа существует как идеологический феномен»²³.

То же представление, дублирующее изменения в региональной саморепрезентации элиты региона, отражается и в отечественных работах, особенно в тех, где уделяется немного

внимания пониманию восточноевропейскости и центральноевропейскости как правящих дискурсов, например, в делении пространства этой части Европы, предлагаемом в трудах отечественного ученого Э.Г. Задорожнюк, где под «Восточной Европой» понимаются бывшие республики СССР, а под «Центральной Европой» – «пояс государств между Балтикой и Адриатикой, стран бывшего социалистического содружества»²⁴.

Образ Центральной Европы как неотъемлемой части европейского целого, созданный интеллектуальными кругами закрепляется в обществе, порождая такое явление как «повседневный ориентализм». Британский социолог С. Янсен в ходе исследования этого явления в столицах двух балканских стран Сербии и Хорватии («Повседневный ориентализм: Восприятие «Балкан» и «Европы» в Белграде и Загребе») ²⁵, описывает, как происходит формирование негативного образа «Балкан», которые противопоставляются Европе. Сами сербы и хорваты начинают мыслить себя как европейцев и «защитников Европы». При этом в случае Хорватии прежде нейтральный и популярный термин Балканы получает однозначно негативные коннотации, Балканы ассоциируются с сербами и коммунистами, а Хорватия однозначно с Европой. Ярким примером символического утверждения собственной европейскости в Загребе явилось переименование кинотеатра «Балканы» в «Европу».

Географические образы, властные дискурсы непосредственно влияют на геополитику и внешнюю политику государств. Важным отличием современного образа Центральной Европы, культивируемого в странах региона, является понимание России как чужого. И. Нойман отмечает, что для этого дискурса Центральной Европы Россия всегда будет выполнять важную функцию «конституирующего Чужого», как виновник «трагедии Центральной Европы» и как «угроза ее будущему»²⁶. Разнообразные местные изводы центральноевропейской идеи, будь это польская «ягелонская идея» или не столь масштабные и претендующие на экспансию в восточном направлении ее собраты в других странах региона, характеризуются противопоставлением себя России, в результате чего эти страны становятся удобным плацдармом для НАТО и США, а все рассуждения о своей исключительности лишь оттеняют атлантистские устремления элит этих государств²⁷. Центральноевропейский дискурс утверждает свое господство как дискурс антироссийский и атлантистский и, таким образом, приводит к атлантистской доминации в этом регионе.

В то же время, внутри самого Запада по отношению к странам, считающим себя центральноевропейскими, как мы уже отмечали, работает восточноевропейский дискурс. Дискурс Центральной Европы, который поддерживали США и другие страны Запада, оказывается уловкой, на которую поймали восточноевропейские общества. Хотя он и продолжает «править», отделяя их от России и выдвигая эти страны на передовую антироссийской борьбы, в головах самих европейцев и американцев, как показывают уже упоминавшиеся исследования и как продолжает отмечать Ларри Вульф, в отношении этих стран целиком и полностью господствует восточноевропейский дискурс, со всеми его коннотациями варварства, дикости и отсталости. Восточная Европа продолжает оставаться младшим братом, которого надо контролировать и воспитывать. То же отмечает британский исследователь Томас Диес, утверждая, что образ Другого, для Европы, которым долгое время после Второй Мировой выступало ее собственное прошлое, при ее столкновении со странами Восточной Европы после распада социалистического блока, тут же нашел в них свое географическое воплощение. Собственное преодолеваемое и негативно воспринимаемое прошлое воплотилось для Европы в ее восточной окраине, снова воспроизведя все элементы восточноевропейского дискурса, конструируя и реконструируя образ Восточной Европы как внутреннего «Другого»²⁸.

В той или иной форме Запад продолжает относиться к Восточной Европе колониалистски, в то время как закрепляемые в ней самой географические образы конституируют ее отчужденность от России, закрепляя то, что в геополитической терминологии называется «санитарным кордоном». Расширение НАТО и ЕС на Восток, как подводит еще одна работавшая в данном направлении исследовательница, канадка эстонского происхождения Мерье Куус, поддерживалось повсеместным использованием ориенталистского дискурса, в котором восточноевропейские страны понимались как «недостаточно европейские», вынужденные постоянно учиться у Запада²⁹.

В процессе создания и использования образа Восточной Европы как образа «Другого» и его отделения от «более цивилизованной» Центральной Европы идет мультипликация образов Восточной Европы³⁰. Географически он смешается все дальше на Восток, захватывая западную окраину СНГ. Теперь перед этими странами стоит задача преодоления собственной «отсталости» (или своеобразия?). В этом переходе геополитическая функция

дискурса Восточной Европы видна как нельзя явно. Эксперты американского центра трансатлантических связей Дэниэл Гамильтон и Герхардт Манготт выделяют особую категорию «Новой Восточной Европы» в одноименной книге³¹. В эту группу стран эксперт центра известный специалист по Восточной Европе и Евразии Анжела Стент отнесла Украину, Белоруссию и Молдову, отмечая, что теперь их роль как буферной зоны между Россией и Европейским Союзом³². Хотя и неявно, но западный специалист по международным отношениям проговаривается о том, что с геополитической точки зрения означает применение термина «Восточная Европа» к странам СНГ.

Мерье Куус предлагает для адекватной оценки социально-политических процессов и прежде всего сферы международных отношений применительно к Восточной Европе использовать наработки теории постколониализма, труды Э. Саида и его последователей. Несмотря на отсутствие прямого колониального господства западных держав в прошлом, теперь этот регион находится в схожем со странами «третьего мира» отношении к странам Запада³³. О том, что термин «пост-колониализм» включает в себя и стратегии неоколониализма, автор не упоминает, впрочем, это можно додумать и самим. Как отмечал Иосиф Бродский, давая отповедь Милану Кундере, Кундера и «многие его братья восточноевропейцы стали жертвами геополитической истины, придуманной на Западе, а именно концепции деления Европы на Восток и Запад»³⁴. Первое, что можно ей противопоставить, - попытаться вскрыть ее властную функцию и искусственную природу.

Ссылки:

1. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 12-21.
2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.5.
3. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 12-21.
4. А.И.Миллер. Ментальные карты историка. И связанные с ними опасности. [Электронный ресурс]. URL: mion.sgu.ru/empires/docs/mental.doc (дата обращения – 14.06.2011).
5. А.И.Миллер. Ментальные карты историка. И связанные с ними опасности. [Электронный ресурс]. URL: mion.sgu.ru/empires/docs/mental.doc (дата обращения – 14.06.2011).
6. Саид Э. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб, 2006.
7. Савин Л.В. Ориентализм, окцидентализм и интеллектуальный терроризм / Дугин А.Г. (ред.) Левиа-

- фан: материалы семинара «Геополитика/Геостратегия». М.: 2011. С. 35
8. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.6.
9. Neumann I. B. The Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
10. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.250-252.
11. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу, карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.250.
12. Ключко Н.Н. Образы Европы в современных национальных дискурсах (на примере антропоморфной метафоры) / Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. С. 213-226.
13. Steuckers. R. Despre imaginea Romaniei in lumea. [Электронный ресурс]. URL:http://ro.altermedia.info/opinii/despre-imaginea-romaniei-n-europa-occidental_1664.html (дата обращения 21.11.2010).
14. Gézim. A. Western Media and the European "Other": Images of Albania in the British Press in the New Millennium // Albanian Journal of Politics. 2005. №1 (1). Pp. 4-25.
15. Фуко М. Воля к истине, по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 49-95.
16. Diez. T. Europe's Others and the Return of Geopolitics// Cambridge Review of International Affairs. Vol. 17. Number 2, July 2004. Pp. 319-335.
17. Bernal M. Black Athena: Afro-Asiatic Roots of Classical Civilization: The Fabrication of Ancient Greece, 1785-1985. New York: Vintage Books, 1991.
18. Коля А.Ф. Концепция «Центральной Европы» в творчестве Милана Кундеры, Юрия Андруховича и Анджея Стасюка // Европа: Журнал польского института международных дел. 2002. Т.2, № 2(3). С. 131-154.
19. Миллер А. И. Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 33-65.
20. Кобринская И. Россия и Центральная Восточная Европа после «Холодной Войны». М.: 1997. С. 14.
21. Кобринская И. Россия и Центральная Восточная Европа после «Холодной Войны». М.: 1997. С. 14.
22. Krejčí O. Geopolitics of the Central European region: the view from Prague and Bratislava. Prague, 2005. P. 65.
23. Миллер А. И. Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 2001. С. 33.
24. Задорожнюк Э.Г. Новые региональные идентичности в Европе: становление и перспективы / Страны Восточной Европы в поисках новой идентичности: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2006. С.15.
25. Янсен С. Повседневный ориентализм: Восприятие «Балкан» и «Европы» в Белграде и Загребе / Ирицкий Ю. И. (отв. ред.) Восточная Европа: Национальные культуры в контексте глобализации и интеграции: Сб. обзоров и реф. М. , 2005. С. 119-126.
26. Neumann I. B. The Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. P. 281.
27. Миллер А. И. Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 33-65.
28. Diez. T. Europe's Others and the Return of Geopolitics // Cambridge Review of International Affairs. Vol. 17. Number 2, July 2004. Pp. 319-335.
29. Kuus M. Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe // Progress in Human Geography 28,4 (2004) .P 472-489

30. Kuus M. Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe // Progress in Human Geography 28,4 (2004) .P 479
31. Hamilton D., Mangott G. The New Eastern Europe: Ukraine, Belarus, Moldova. Baltimore, Maryland: Center for Transatlantic Relations, 2007.
32. Stent A. The Lands In Between: The New Eastern Europe in the Twenty-First Century / Hamilton D., Mangott G. The New Eastern Europe: Ukraine, Belarus, Moldova. Baltimore, Maryland: Center for Transatlantic Relations, 2007. С. 3.
33. Kuus M. Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe // Progress in Human Geography 28,4 (2004) .P 482-484.
34. Миллер А. И. Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 33-65.

Расширение НАТО и геополитическое положение Сербии

Миломир Степич

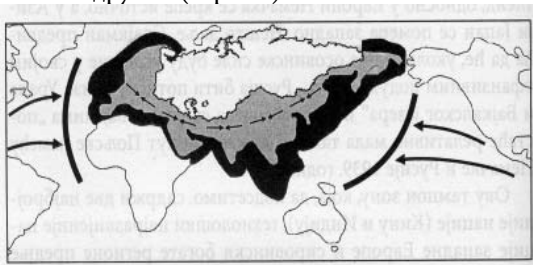
Геополитическая (теоретико-концептуальная) основа создания НАТО

Когда улеглась западная триумфалистская эйфория из-за победы в Холодной войне, окончания биполярного разделения, превзойдения “равновесия страха”, самоупражнения Варшавского договора, распада СССР и очевидной тенденции ослабления России, возник кажущийся логичным вопрос: в чем причина дальнейшего существования НАТО когда противника больше нет? Но НАТО стремительно превзошел “кризис идентичности”, подыскав себе конкретное дело, бойко и предвзято занявшись насильственной дезинтеграцией Югославии, по-военному артикулируя содержание и темпы балканской “геополитической транзиции”¹. Последующее интервенционистское участие на Ближнем и Среднем Востоке, наряду с фазовой фронтальной экспансией на восток и юго-восток Европы, показали наличие двух основных функций НАТО: сохранения американского униполярного господства в мире и продолжения окружения, “сдерживания” и ослабления России.

Одновременно пропагандистски моделировался мнимый новый имидж НАТО, в первую очередь направленный на психологическую подготовку будущих вассалов, с последующим последовательным охватом их “империей”. С применением инструментов так называемого мягкого могущества, восприятие следовало перенаправить в первой фазе на антитеррористическое и превентивно-силовое, а потом и экономическое, политическое, гуманитарное, социальное и прочие измерения “нового НАТО”, вплоть до альтруистического. Но эта “ретушированная картина” не смогла скрыть суть, о которой следует напомнить – НАТО как был так и остается военным союзом, характерными особенностями которого являются экспансионизм и интервенционизм; НАТО создали и ею поныне неприкосновенно повелевают США согласно собственным интересам; НАТО возникла в 1949 г. не как реакция на сопернический Варшавский договор, возникший позднее (в 1955 г.); НАТО создано на морском могуществе (Sea Power) и его геополитическая идентичность является талассократической, а его действие с самого начала было направлено против СССР как дер-

жавы, базирующейся на сухопутном могуществе (Land Power) и теллуократической геополитической идентичности; НАТО существенно не сменил цели после Холодной войны и они по сей день, вопреки риторическому туману, направлены против России; самым конкретным доказательством антирусской геополитической и геостратегической ориентации НАТО является ее территориальное приближение к границам России.

В научном, теоретико-геополитическом смысле, в основе НАТО лежит концепция Rimland-а Н. Спайкмена (Nicholas John Spykman, 1893-1943 гг.), обоснованная в книге География мира, опубликованной в 1944 г.² Подход Спайкмена берет начало в концепции морского могущества Мэхэна (конец XX в), то есть из разработки и существенной коррекции нескольких вариантов модели Heartland-а Макиндера (1904, 1919, 1943 гг.). Термин Rimland³ касается прибрежного пояса Евразии и Спайкмен именно ему, не Heartland-у, отводит ведущую роль в достижении мирового господства. Не отрицая того, что столетиями из Центральной Азии, то есть из Осевого ареала (Pivot Area) Макиндера или Heartland-а, исходили большие военные нашествия и миграции, он отмечает, что в новейшей мировой истории направление переменилось, и что вторжения уже некоторое время направлены в противоположную сторону – от евразийской прибрежной полосы вовнутрь. Поэтому положение Rimland-а является контактным, переходным и посредническим между Heartland-ом и окружающими Евразию морями, при этом часто выполняя и роль буферной зоны между противоборствующими сухопутными державами Heartland-а с одной стороны, и морскими державами с другой (карта 1)

Карта 1: Rimland Спайкмена как Евразийская зона конфликтов и налаживание американского контроля

Источник: N. Spykman, *The Geography of the Peace*. (p. 52)

Ключевую глобальную геополитическую и геостратегическую роль Rimland-а Спайкмен сублимировал в силлогизм: КТО

КОНТРОЛИРУЕТ RIMLAND, ГОСПОДСТВУЕТ НАД ЕВРАЗИЕЙ: КТО ГОСПОДСТВУЕТ НАД ЕВРАЗИЕЙ, КОНТРОЛИРУЕТ СУДЬБЫ МИРА.⁴ Следовательно, осуществление американских амбиций мирового господства напрямую зависело от способности поставить под контроль прибрежную полосу Евразии и континентальные державы (в первую очередь СССР, но также Китай и Германию...) держать в окружении разбеденными и слабыми. Самое большое значение в Rimland-е имели дальневосточный и западноевропейский фасады, потому что из этих двух зон исходила самая большая опасность угрозы континентальными державами морской “формуле” американского глобального господства: СССР и Германия – прорывом на Атлантический, а Китай и СССР – прорывом на Тихий океан. Уже к концу Второй мировой войны США, операциями в Нормандии (1944 г.) и Японии (1945 г.), добились далеко идущих геополитических достижений – трансатлантический и транспацифический “брустверы”, впоследствии переросшие в американские “плацдармы” на восточном и западном “фасадах” Евразии.

Сразу же после окончания Второй мировой войны стало очевидно, что Rimland становится ареной противостояния двух великих держав – США и СССР. В послевоенной “первой пятилетке” (1945 – 1950 гг.) последовала практическая “ударная работа” в глобальном и трансконтинентальном (евразийском) плане, что вылилось в многие региональные политико-экономические противостояния и жестокие военные расправы. Операционализацию концепции Спайкмена США обосновывали на инструкциях Дж. Кеннана (1904-2005 гг.) – сначала данных в длинной телеграмме, а потом уточненных и осуществляемых посредством стратегии сдерживания.⁵ Поэтому Спайкмена считают теоретическим, а Кеннана практическим “отцом Холодной войны”. За этот короткий период несколько событий ясно указали, что на Западе Европы создается американский “плацдарм” и отрабатывается долгосрочный раздел на две противоборствующие сферы интересов. В своих двух речах Уинстон Черчилль актуализировал понятие железного занавеса и антиципировал проамериканское сплочение западноевропейских стран, а потом последовали доктрина Трумэна, план Маршалла, институционализация интеграции западноевропейских стран, политические, экономические и военные противостояния в Греции, Турции, Берлине, Чехословакии, Югославии... Американское участие на западе Европы, опустошенной войной и заторможенной индуцированным страхом

Карта 2: Противостояние Heartland-а и Rimland-а в ходе Холодной войны
 Источник: М. Polelle, *Raising Cartographic Consciousness: The Social and Foreign Policy Vision of Geopolitics in the Twentieth Century.* (p. 118)

от “советской опасности”, увенчано созданием НАТО в 1949 г. Американские “евразийские клещи” были сформированы. Их западноевропейская часть легче сжималась и проникала глубже, чем дальневосточная, где уже на самом побережье Тихого океана находились два “крепких орешка” – СССР и Китай. Пульсирующее противостояние Heartland-а и Rimland-а началось на их восточной и западной стороне, но в течение Холодной войны охватило всю контактную зону. (карта 2)

Структура Rimland-а была непростой. Внутри этой периферийной евразийской зоны можно различить три типа стран на базе их геополитической ориентации: 1) государства ориентированные к Heartland-у; 2) страны ориентированные к морским державам; 3) условно нейтральные страны⁶. Но для американских интересов было еще важнее установить матрицу, по которой Rimland будет функционировать и выполнять свою антисоветскую (и антикитайскую) миссию. Два установленных „плацдарма” были необходимы, но из-за своей хрупкости, стратегических недостатков и географической ограниченности – недостаточны. Поэтому в ходе Холодной войны Rimland последовательно укреплялся и пространственно дополнялся на базе „формулы”: два „трамплина” + многочисленные пакты + неприсоединившиеся страны.

• *Западноевропейский „трамплин”* в отличие от дальневосточного США удалось прочно интегрировать и профилировать в экономическом, политическом и военном отношениях. Воплощением американского трансатлантического „плацдарма”

и „трамплина” на западе Европы в военно-силовом смысле стал НАТО (1949 г.), а в экономико-политическом – Европейское объединение угля и стали (1951 г.), впоследствии преобразованное в Европейское экономическое сообщество, и в 1992 г. в Европейский союз.

- *Военные пакты* и многие двусторонние и многосторонние союзы, заключаемые США с государствами вдоль периметра Евразии, имели задачу непосредственно оформлять геополитическую и геостратегическую роль Rimland-а как цепи для окружения и „сдерживания” Советского Союза (и Китая), то есть, помешать им взять первенство в Евразии и выйти в океаны. Наряду с НАТО на западе Евразии, важнейшими пактами являлись: CENTO (Central Treaty Organization) в Юго-западной Азии, SEATO (Southeast Asia Treaty Organization) в Юго-восточной Азии и ANZUS (Australia, New Zealand, United States Security Treaty) в зоне Тихого океана.

- *Неприсоединившиеся страны* были нейтральными, наладив лишь кажущуюся равноудаленность от двух великих держав. Их действительная функция была двоякой и однозначно проамериканской: восполнить пробелы в „мозаике” Rimland-а, оставшиеся после создания НАТО и „пактоманий” после 1950-х гг.⁷; чтобы путем включения стран, последовательно освобождавшихся от колониальной власти, предотвратить их логичную просоветскую ориентацию, что обесмыслило бы функцию Rimland-а⁸.

Расширение НАТО во время и после Холодной войны: югославский и сербский опыт

Бывший Санитарный кордон, созданный после Первой мировой войны по рекомендации и идее предшественника Спайкмена – Макиндера, составлявший пояс буферных государств между Балтикой и Средиземноморьем, после Второй мировой войны оказался внутри советской сферы интересов. Вместо Санитарного кордона через центр Европы прошел „барьер” с аналогичной функцией – Железный занавес. Уже в 1948 г. налажена его четкая „трасса”, разделившая европейские страны в два противоположенных блока. Всемирно важные последствия имело „историческое НЕТ” Тито Сталину, что передвинуло „вторую” Югославию с восточной на западную сторону Железного занавеса. Югославский конфликт с Информбюро стереотипно воспринимают обычно в идеолого-политических, экономических и

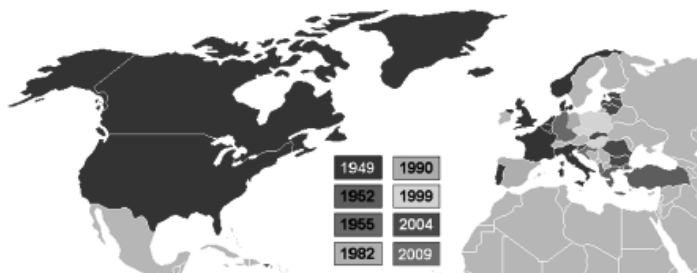
военных рамках, но геополитические и геостратегические импликации при этом не учитываются. Именно эти характеристики в балканских, европейских и глобальных рамках были важнее всего. С 1945 по 1948 гг. „вторая“ Югославия входила в советскую сферу интересов и теллурократический восточный блок, простиравшийся от Тихого океана до Средиземного моря, т.е. до его важного Адриатического „залива“, глубоко вклинившегося на север к центральной Европе. Трасса возникающего Железного занавеса тогда проходила по середине Адриатического бассейна. После 1948 г. „вторая“ Югославия перешла на сторону талассократического Запада, долгосрочно загородив восточному блоку стратегический доступ к Адриатике и Средиземному морю. Железный занавес таким образом с Адриатики переведен в срединные части балканской суши, что в евразийских масштабах не представляло значительный пространственный сдвиг, но имело исключительное всемирное качественное геополитическое значение. Западноевропейская часть американских евразийских „клещей“ в балканском секторе уже тогда четко проявляла экспансионистские и интегративные свойства. (карта 3) Уже с начала 1949 г. Югославия за сыгранную и будущую геополитическую роль, начала получать обильную политическую, экономическую и военную помощь Запада. Наподобие буферной и заградительной роли „первой“, монархической Югославии, геополитическая функция „второй“, социалистической Югославии тоже была антисоветской (антирусской). Вопреки традиционной теллурократической геополитической идентичности сербских стран как убедительно самой обширной составной части Югославии, государства как Александра так и Тито были включены в мировой талассократический ареал.

Возникновение американского „плацдарма“ в Европе формализовано созданием НАТО 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне. В тот момент в Североатлантический альянс вошло 12 стран – две североамериканские (США и Канада) и 10 европейских (Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Дания, Норвегия, Франция, Италия, Великобритания, Ирландия, Исландия). После того, как с применением доктрины Трумэна и плана Маршалла было сорвано вовлечение Греции и Турции в советскую сферу интересов, их интеграция в трансатлантический ареал была решена быстрым приемом в НАТО в 1952 г. Это стало первым расширением данного военного союза, благодаря чему американская сфера интересов достигла восточного Средиземноморья, поставив под

Карта 3: Глобальное геополитическое значение перехода Югославии с восточной на западную сторону Железного занавеса

контроль Босфор и Дарданеллы, и проникнув в Черноморской бассейн – вплоть до границ СССР. Прерванная было территориальная связь между греко-турецким „якорем НАТО” и Италией быстро восстановлена в 1953/54 гг. заключением Балканского пакта между Югославией (с тех пор лишь формально не входившей в НАТО), Грецией и Турцией. Расширением на Западную Германию в 1955 г. и постфранковскую Испанию в 1982 г. закончена фаза трансгрессии НАТО в период Холодной войны. Таким образом в Европе налажены совсем четкие территориальные контуры и функции НАТО – атлантический „фасад” полностью контролировался от норвежского Северного мыса до Гибралтара; посредством Западной Германии обеспечено участие в центре Европы и установлен „бруствер” против Восточной Германии, Польши и Чехословакии, входивших в состав Варшавского пакта; Норвегия на Скандинавском и Турция на Малоазийском полуострове представляли „верхнюю и нижнюю челюсти” агрес-

Карта 4: Две фазы экспансии НАТО – во время Холодной войны и после нее
 Источник: www.wikipedia.org/NATO_countries.png

сивного талассократического Левиафана, угрожающе разинутых на обороняющегося теллуократического евразийского Бегемота – СССР. (карта 4)

Вскоре после встречи Буша и Горбачова на Мальте и падения Берлинской стены в 1989 г. последовало „невидимое” расширение НАТО (и Европейского союза) в 1990 г. путем объединения Германии. Таким образом был прорван Железный занавес и началось транслирование рубежа евроатлантических интеграций к востоку. Вопреки риторическим заявлениям и наивным ожиданиям на европейском востоке, НАТО не последовало судьбе своего соперника периода Холодной войны – Варшавского пакта и не самоупростилось. Наоборот, как и любой победитель в истории, свою победу начал конкретизировать традиционным и очевидным способом – расширяясь на территорию побежденного. В трех циклах экспансии НАТО достигло очень важных геополитических и геостратегических позиций – во всех трех случаях реагируя на состояние и действия России:

1. Для расширения в 1999 г. воспользовалась бессилием России, достигнувшей дна финансового, экономического и политического кризиса в 1998 г. НАТО „окопалась” в центральной Европе, завладев ключевыми геостратегическими областями и направлениями в Польше, Чехии и Венгрии, находившихся во время Холодной войны в составе и под контролем Варшавского пакта („Коридором войн”, „Чешской крепостью” и „Паннонской линией”). НАТО отметила 50-летие своего существования агрессией против СР Югославии, в результате чего Косово и Метохия насильственно отделены от Сербии.

2. Расширение в 2004 г. (55-летие) охватило семь государств и стало самым массовым после создания НАТО. Оно последовало как срочная реакция Североатлантического альянса на

появление путинизма, т.е. на успехи в возрождении России и ее возвращение на мировую сцену как великой державы. Интегрированием Словакии поставлена под контроль центральная Европа, пополнен разрыв между Польшей на севере и Венгрией на юге, а посредством включения Словении осуществлено участие на балканской стороне Адриатики, на южной стороне Альп и на территории бывшей Югославии, в насильственной дезинтеграции которой НАТО непосредственно участвовала. Сигнал однозначной антирусской угрозы НАТО направил приемом Литвы, Латвии и Эстонии на севере (Балтийский бассейн), Румынии и Болгарии на юге (Черноморский бассейн).

3. Расширение в 2009 г. (60-летие) охватило двух надежных союзников НАТО в ее антисербском участии в процессе дезинтеграции Югославии и ребалканизации Балкан – Хорватию и Албанию. Оно последовало через год после нелегального провозглашения косовской независимости, которую вскоре признало значительное большинство стран-членов НАТО, как реакция на поддержку Россией Сербии и решительный отказ признания Россией и большинством стран мира.

Расширение Rimland-а Спайкмена путем отеснения и сдвливания Heartland-а Макиндера и проведение стратегии сдерживания Кеннана очевидно продолжалось вопреки тому, что давно закончилась идеологическая опасность от “Красной заразы”. Это доказывает, что мнимая коммунистическая угроза никогда не была настоящей причиной создания НАТО и ее агрессивности (вопреки заявлениям об оборонительности и ограничении зоны действия только на страны-члены). Цель НАТО как военной персонификации талассократического Запада не изменилась – это была, есть и будет Россия как олицетворение теллурократического евразийского центра (Heartland-а).

НАТО в функции постмодернистского „сдерживания” сербского фактора

„Спайкменизм” в американской геополитике и геостратегии оставил глубокие следы и многочисленных последователей, разработавших на базе его идей не только постмодернистские теоретические подходы, но и концептуальные положения, на основании которых в период униполярной транзиции мирового порядка осуществлялось стремление США наладить и сохранить глобальное господство. Ничего существенно не изменил и влия-

тельный З. Бжезинский в своем популярном, конъюнктурном, но не очень оригинальном программно-стратегическом труде Великая шахматная доска 1997 г. Эта книга, переводы которой массово тиражировались, служила не только как „инструкция” для действий американской „Империи”, но и как „пугало”, которое должно заранее фаталистически затормозить любую попытку сопротивления „Варваров”. Механизм иерархизированной системы и функционирования США в контексте „геостратегических игроков”, „геополитических стержней” и прочих мировых факторов, в особенности картографическая проекция „шахматных полей”, представляли незначительно модифицированный подход Спайкмена и Кеннана: пан-регион Срединного пространства включал Россию (Heartland), а ее окружала, оттесняла и „сдерживала” цепь из трех „больших пространств” – Западного, Срединного и Восточного (по сути, тройного Rimland-a)¹⁰. Вся модель проецировалась на макро-, мезо- и даже микро-региональном уровне, и именно в этом плане имела конкретные последствия.

Самыми чувствительными являются зоны прикосновения „больших пространств”, конфликтность которых вызывается „геополитическим трением” различных интересов. Именно на Балканах имеется контакт двух из трех глобально важных пространств (Западного и Южного), роль которых состоит в том, чтобы как можно более сплоченно сохранять в окружении большое евразийское пространство. Через ту же самую зону лабильного и ранимого „звена цепи” также проходит потенциально самая подходящая трасса, вдоль которой Срединное пространство (Россия) может прорвать кольцо, выйти в Средиземноморье, освободиться от конкурентного окружения и долгосрочно в этом секторе осуществлять „демонтажное” американского „трансатлантического плацдарма” в Европе. Это означает, что важность Балкан и в период постмодерна не ослабла. Практическое доказательство тому представляют уже два десятилетия длившиеся политические, экономические и военные стремления НАТО в интересах США препятствовать сербскому фактору (с Запада апострофированному как главный актер „отрицательного балканского сценария”), который в глобальном плане мог бы вызвать „эффект домино” и поставить под угрозу функционирование униполярного порядка Pax Americana. Ключевую точку представляет косово-метохийская часть Сербии, но сербские земли в целом имеют большую геополитическую важность, одновременно выполняя и роль связи (в интересах американского

Карта 5: Балканская проекция глобального противостояния американского талассократического евроатлантизма и русского теллуократического евразийства.
 Источник: М. Стенић, Перспективе Косова и Метохије у контексту глобалних геополитических концепција. (стр. 269)

талассократического евроатлантизма) и разрыва (в интересах русского теллуократического евразийства)¹¹. (карта 5)

Хотя „вторая” Югославия была прозападно ориентированой и почти четыре десятилетия неформально функционировала как „примкнувший член НАТО”, США и западноевропейские страны, собранные в ЕС, решающим образом влияли на начало, ход и финал ее насильственного исчезновения, а также озвучили создание новой пост-югославской политико-географической карты Балкан. Но данному пространству нельзя было оставаться в „геополитическом вакууме”. Наряду с (само)дистанцированием ослабленной России, последовало ультимативное, наступательное и антисербски пристрастное политическое и экономическое проникновение ведущих и заинтересованных стран ЕС (лживо представлявшихся объективными „посредниками”, „предоставляющими добрые услуги”), а вскорости также и антисербское вмешательство – начиная с пропагандистской, разведывательной и логистической поддержки, через косвенную (мнимые миротворческие соединения УНПРОФОР, СФОР, ИФОР, КФОР)

вплоть до прямой вооруженной интервенции (операции против Республики Сербской Краины и Республики Сербской в 1994 и 1995 гг. и против Сербии в 1999 г.)¹². Целью являлось восстановление разрыва НАТО между Италией на северо-западе (северная Адриатика, Триестский залив) и Грецией на юго-востоке (Салоникский залив). Таким образом с 1991 по 1999 гг. последовательно, в двух фазах, была создана Балканская геополитическая дуга – сначала северо-западный (А), а потом юго-восточный (Б) ее фрагменты¹³. „Позвоночник” дуги составляла система баз, полигонов, аэропортов и прочих объектов, как местных НАТО-союзников (хорватских, мусульманских, албанских военных формирований), так и настоящих НАТО-соединений (карта 6). De facto балканская геополитическая дуга имела функцию увязки Западного и Восточного пространств, концепция которой изложена в Великой шахматной доске 3. Бжежинского, а осуществление последовало употреблением „новой НАТО”.

Почему же геополитический смысл балканских действий НАТО и ЕС являлся (и поныне остается) антисербским? Первая причина проистекает из непрерывного исторического геополитического „магнетизма” Балкан, и во времена постмодерна продолжающих привлекать великие державы. Внутри балканского „субконтинента” интегральные сербские земли по своей величине, природным ресурсам, демографическим свойствам, культурной идентичности и, в особенности, по геополитическому положению – являются важнейшим фактором. Вторая причина проистекает из западного восприятия сербов как „балканских русских”, „маленьких русских”, „русского форпоста на Балканах”... Подобная позиция лишь частично проистекает из этнонациональной, религиозной и культурно-цивилизационной родственности сербов и русских, сходства исторических наследий, государствообразующих циклов и идеолого-политического опыта. Суть в геополитической аналогии:

а) и русское, и сербское пространства унаследовали теллуократическую (сухопутную) геополитическую идентичность;

б) тем, чем русский фактор является в мировом и евразийском планах, сербский фактор является на Балканах.

Наподобие геополитического Heartland-Rimland дихотомного функционирования в евразийском масштабе, существует аналогичная, региональная, балканская Heartland-Rimland (суб) система. Также как Россию можно отождествить с евразийским Heartland-ом, так и сербские земли можно отождествить

Карта 6: Балканска геополитичка дуга

Прибрежне „фасаде“

I Адријатички

II Црноморски

III Егејски

Панонски „вее“

Балканска геополитичка дуга

А – северозападна

1. Истрија и Кварнер

2. Цазинска Крајина

3. Гламочки полигон

4. Бутмирски аеродром

5. „Panhandle“ (выступ) Горажде

Б – југоисточна

1. Фесалоники

2. Криволак

3. Скопски-Петровац

4. Аеродром Слатина

5. Пештерско поље

Изворник: М. Степић, Српско питање – геополитичко питање. (стр. 218)

с балканским Heartland-ом. Такође, и евразијски и балкански Rimland имају једнакову функцију: један – окружити, подавити и ослабити Русију, а други – „сдржати“ Србију¹⁴. Если

Россия представляет глобальный „дестабилизирующий фактор” для талассократических интересов Запада, тогда то же самое представляет Сербия на Балканах. В соответствии с этим, с 1990-х создана стереотипная „формула”:

сербы = русские = противники Запада
сербские соперники = русские соперники = союзники Запада
поражение сербов = поражение русских = победа Запада

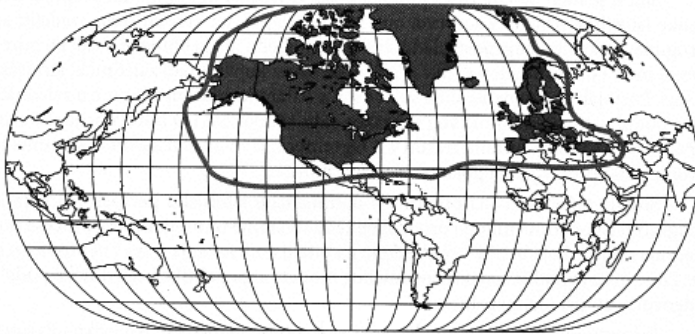
Почти двадцатилетнее применение подобного подхода вызвало огромные масштабы десербофикации, территориального сдавливания и фрагментации сербского пространства на Балканах. НАТО, т.е. США и ЕС прежнюю титовскую формулу „Слабая Сербия – сильная Югославия”, несколько видоизменили и продолжили применять на практике в неформальном виде „Маленькая Сербия – стабильные Балканы”¹⁵. Из этого последовало: уничтожение Республики Сербской Краины; уменьшение, ослабление, разоружение, лишение власти и постоянные угрозы упразднения Республики Сербской; отделение Черногории от Сербии и лишение Сербии выхода к морю; ампутация Косова и Метохии от Сербии; антагонизирование БЮР Македонии (оформлена на территории южной части историко-географической Старой Сербии) с Сербией под угрозой разделения. Очевидны и действия, направленные на дальнейшую фрагментацию Сербии (прешево-буяновацкая область на юго-востоке Сербии, Воеводина, Рашкая область)¹⁶. НАТО обеспечила укрепление и экспансию сербских соседей, включая даже навязанным этногенетическим и государствообразовательным процессом полностью или частично возникших из сербской этнической группы, узурпировав обширные части сербской историко-государственной территории. Таким образом из старых и новых сербских соседей вставлен балканский Rimland, послуживший для проведения балканской стратегии сдерживания сербского фактора. Не обошлось и без установки „противовеса” сербскому фактору: инструментализованное соперничающее окружение, награждение их активной пронаатовской позиции отнятыми сербскими территориями, политическое, экономическое, транспортное и иное поощрение в ущерб сербам, создание и признание государствовидного образования Republika e Kosovës насильственной ампутацией от Сербии, превращение косово-метохийского пространства в Fort Kosovo для стационарирования и более широких

действий НАТО, а потом размещения военной базы Бондстиа под Урошевацем как символа контроля. Специфичным видом „сдерживания” является интенсивное пропагандистское форсирование сербского (само)унижения в целях изменения традиционной геополитической идентичности и подготовки к якобы неминуемому вхождению в НАТО. Все эти антисербские удары косвенно являются и антирусскими.

Действительность и перспективы НАТО в европейском и сербском фокусах

Нередко высказываются мнения, что НАТО из бывшей защитницы Европы от „русской (советской, коммунистической) опасности” превратилась в анахронного оккупанта Европы. Подобная позиция исходит из предположения о том, что Холодная война закончена, что биполярного раздела Европы больше нет, что современная Россия является не угрожающей, милитаризованной, интервенционистской и имперской великой державой, а пространственным, многолюдным, богатым природными ресурсами и экономически желательным партнером Европы. Стратегическое мышление европейцев все очевиднее ориентируется к эмпирически обоснованным выводам, что европейское будущее решающим образом зависит не от инерции унаследованного трансатлантического союзничества с США, а от российских энергоносителей. Более того, НАТО, как персонификация евро-американской „связи”, все больше воспринимается как тормозящая Европу обуза в гонке за позиции на новой экономико-политической карте мира, обременяющая улучшение отношений с державами, уже релятивизирующими униполярную неприкосновенность США, т.е. закладывающими фундамент нового мирового мультиполярного порядка (Китай, Индия, Россия, Бразилия...).

С другой стороны, американское восприятие прежней, нынешней и будущей Европы ясно: „Европа – важнейший американский геополитический плацдарм на евразийском континенте”¹⁷. De facto США в глобальном плане считают Европу манипулятивным геополитическим объектом. Под американской контролем она и впредь будет инструментализованной как „трамплин” для прорыва в Россию. Американское практическое применение посылок из концепций Мэхэна, Макиндера и Спайкмена, а также их противодействие применю идей Ратцеля, Челлена, Хаусхоффера, Савицкого и прочих классиков геополитической мысли, оказалось действенным в осуществлении *Rex Americana*. Зачем

Карта 7: Европа как американский плацдарм на западе Евразии или „Центральное положение Атлантического союза в мировых масштабах” (заштрихованные государства внутри обведенного контуром ареала являются членами НАТО и/или ЕС)

Источник: Збигнев Бжежински, Друга шанса Америке – три председателя и криза америчке суперсиле. (стр. 108)

бы США от них по сути отказываться, пусть даже невозможно сохранить глобальное имперское господство, а только глобальное предводительство?¹⁸ В этом контексте, позиция ЕС как экономико-политического выражения трансатлантизма, по-сути, искусственно отделяется от его военно-силового альтер эго – НАТО. Отношения между НАТО и ЕС неявно утверждены: „Это две взаимодополняющиеся организации”, т.е. мало сказать, что „НАТО – это аппаратура, а ЕС – программное обеспечение”; эти две организации являются „левой и правой ногами” трансатлантической безопасности¹⁹. (карта 7)

Россия стремится не только по-новому воспринимать Европу, но и это новое восприятие превратить в действительность. Европа для России является не только в физико-географическом смысле частью евразийской суши, но должна стать тем же и в экономическом и геополитическом смыслах. Но так как Европа под покровительством НАТО и после завершения Холодной войны сохранила и территориально расширила роль наступательной американской „передовой позиции”, она все еще, зачастую вопреки своей воле и интересам, является политико-силовой угрозой для России. Поэтому Россия стремится „перехватить” Европу у США в нескольких циклах, избегая при этом военного столкновения с более сильным соперником и его (по своей воле или нет) вассалами. Эта рискованная и филигранная геополитическая и геоэкономическая „игра” ведется на глазах современного мира. Российское предложение Европе заманчиво – будущий статус самостоятельного

полюса могущества в качестве „Великого европейского пространства” в мультиполярной мировой системе. Не исключено, что это является лишь промежуточной стадией в переориентации Европы с навязанной неестественной интеграцией трансокеанического типа (евроатлантической) на географически более логичную, а в будущем и экономически более утилитарную – трансконтинентальную (евразийскую)²⁰. Эпилогом может стать создание заинтересованными сторонами Евророссии как геоэкономической-геополитической-геостратегической интеграции²¹.

Отказавшись от методов противостояния (военного, политического, экономического, пропагандистского), какой иной аппарат имеет Россия в распоряжении для „освобождения” Европы? Что же в будущем Европе станет заманчивее и необходимее чем НАТО в качестве отжившей американской защиты? Возможно, это очертания альтернативной „архитектуры” безопасности, интенсивно озвучиваемые Россией? Или пока еще речь идет о чем-то более жизненном? От чего такого Европа будет жизненно зависеть, чтобы ориентироваться на (не)добровольное дистанцирование от США и приближение к России? Что за российский козырь, от которого Европа даже при желании не может отказаться, без того, чтобы поставить под вопрос не только свою позицию глобально важного фактора, но и традицию беспечной жизни своих жителей? Ответ однозначен: это энергоносители, газ и нефть! Итак, российским геополитическим инструментарием являются газопроводы и нефтепроводы. Это вовсе не конспиративный, криптогеополитический сценарий. Более того, российские трубопроводы не направлены эксклюзивно только к Европе, но и к более надежным, платежеспособным и перспективным дальневосточным рынкам – Китаю и Японии. Но энергозависимая Европа не имеет географически более близкого, стабильного и, по имеющимся количествам, более богатого поставщика, трубопроводы которого уже стали интегральной частью европейского газового и нефтяного „кровообращения”.

Не нужно было обладать большой прозорливостью, чтобы США не только распознали „европейскую игру” России, неоднократно предупреждая, что Россия геополитически (зло) употребляет энергозависимость Европы, но и предприняли конкретные меры по пресечению потенциальной европеороссийской „оси”, базирующейся на трубопроводах как „минимальном общем знаменателе” интересов. В уже известной геополитической манере они установили заградительную зону от

Балтийского до Черноморского бассейнов, наподобие прежнего Санитарного кордона. Польша и Украина²² являлись главными опорами США, значительное место имели прибалтийские республики Литва, Латвия и Эстония, а в буферную „занавеску” последовательно включались и другие страны центральной и юго-восточной Европы. Дональд Рамсфельд, министр обороны США (2001-2006 гг. при президенте Джордже В. Буше), назвал эту новую постбиполярную буферную зону Новой Европой, подчеркнув, что она имеет более выраженную проамериканскую роль, чем государства, уже включенные во время Холодной войны в трансатлантический альянс (НАТО). Но вынужденным российским ответом на данное провоцирование конфликта стало проектирование подводных маршрутов трубопроводов: „Северного потока” в обход прибалтийских республик и Польши, и „Южного потока” в обход Украины. Эти две газопроводные магистрали должны с севера и юга взять в „энергетическое объятие” две экономически и политически могущественные страны, Германию и Италию, т.е. подавляющую часть центральной, восточной и юго-восточной Европы.

В энергетических геополитических играх США/НАТО/ЕС, с одной стороны, и России, с другой, важным является транзитное, а в некоторой степени и узловое положение Сербии²³. Разветвляясь в Болгарии, одна ветка ориентировочного маршрута „Южного потока” пойдет к Греции и югу Италии, а вторая через Сербию (ветка к Республике Сербской) к Венгрии и Австрии. Американская реакция и попытка сорвать прорыв российских интересов на Балканы путем трубопроводной сети и собственного „сербского форпоста”, выражалась следующим образом:

1. Спроектирован конкурирующий трубопровод „Набукко”²⁴. Одна его исходная ветка из Азербайджана (через Грузию!) и вторая из северного Ирана (!) соединяются под Эрзерумом в Турции, после чего трубопровод должен пойти дальше к западу Турции, перейти Дарданеллы и потом через Болгарию, Румынию и Венгрию дойти до Австрии, откуда разветвления пойдут к Чехии и Германии, с возможными опциями к Словении и северной Италии. Показательно, что данный маршрут в обход Сербии связывает американских союзников на южной (Турция), восточной (Грузия) и западной (Болгария, Румыния) сторонах Черноморского бассейна. Данная альтернатива также имеет несколько неразрешимых проблем, в т.ч. числе главную – недостаточное количество газа и острое противостояние США и Ирана.

2. Слишком быстро и вне очереди²⁵ в евроатлантическую группировку государств вошли Румыния и Болгария (в НАТО в 2004 г. и в ЕС в 2007 г.), вопреки тому, что тогда и даже теперь далеки от заданных стандартов. На то имелись преимущественно геополитические причины.²⁶ В соответствии с возобновленным страхом США перед „повторным империализмом России”²⁷, этим двум странам отводилась роль предупредительного ограждения от возможного трансбалканского (intermarium) прорыва оправившейся России из Черноморского к Адриатическому и Эгейскому бассейнам, с опорой на Сербию в румыно-болгарском тылу. Тест на преданность Западу Румыния и Болгария прошли еще в 1999 г., примкнув к антисербской стороне в агрессии НАТО против СР Югославии.²⁸

Вместо вывода: Косово и Метохия как парадигма намерений НАТО в отношении Сербии

У сербов отрицательный опыт отношений с США, НАТО и ЕС в течение всего югославского кризиса, продолжавшегося с 1990-х гг. и все еще не оконченного. Пожалуй, нет ни одного не только просербского, но и объективного политического, экономического и военного действия, как со стороны самой могущественной страны мира и пакта под ее командованием, так и европейской интеграции, на формирование функционирование и расширение которой США решающим образом не влияют. Они поощряли, судили, всесторонне контролировали, военным путем навязали и политико-географически оформили деструкцию СФР Югославия, причем противоположно сербским интересам. За счет историко-этнических областей сербских земель удовлетворены требования не только конституентов „первого” югославского государства (преимущественно хорватского), но и „инстант-наций”²⁹, возникших в результате титовского декрет-этноинжиниринга после Второй мировой войны (македонской, черногорской, мусульманской), и даже национальных меньшинств (албанского), причем преследовалась цель как можно больше ослабить сербский фактор и долгосрочно его „сдерживать”. Более того, в этом США и НАТО и напрямую участвовали военным путем – как закамуфлированно, в составе (псевдо)миротворческих соединений, предоставляя политические, дипломатические, экономические, разведывательные, консультационные и логистические услуги сербским военным соперникам, так и открыто, бомбардируя Республику Сербскую Краину в 1994 г. и помагаая хорватским вооруженным силам занять

ее в ходе операции „Буря” в августе 1995 г., потом несколько раз бомбардируя Республику Сербскую, помогая хорватско-мусульманским формированиям в августе 1995 г. завоевать обширные ее части, и заставив ее пойти на уступки в Дейтоне, а потом совершив агрессию против Сербии в 1999 г. и овладев ее косовско-метохийской частью.

Именно Косово и Метохия представляют парадигму не только отношений евроатлантических структур к Сербии, но также Сербии (и сербов) к евроатлантическим интеграциям. США, НАТО как военный союз, ЕС как политико-экономический блок и подавляющее число их членов, в отдельности и/или скоординированно, в значительной степени посодействовали созданию, после участия в ампутации Косова и Метохии из состава Сербии, благоприятного дипломатического окружения для нелегального провозглашения так называемой косовской независимости 17 февраля 2008 г. Потом сами они предводительствовали в признании „независимости”, также оказывая давление на большое число стран мира, чтобы они сделали то же самое. Вопреки этому, за три года (по состоянию на 13 января 2011 г.) косовскую „независимость” признали 74 государства. Большинство этих государств можно классифицировать на несколько групп:

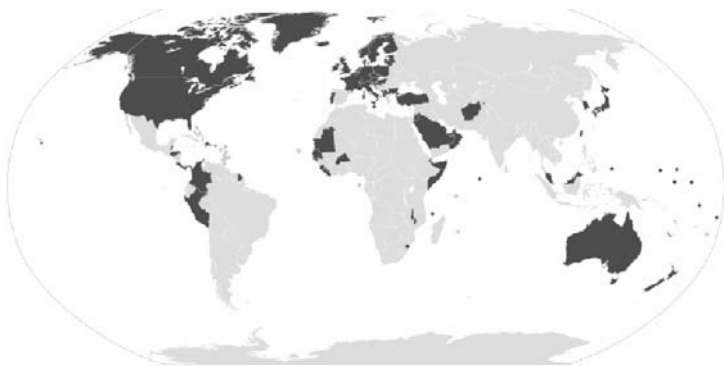
1. ведущие, влиятельные, экономически и военно могущественные государства НАТО и ЕС (с несколькими исключениями), под предводительством США, Канады, Великобритании, Франции, Германии, Италии...;

2. их традиционные геополитические последователи и бывшие колониальные владения (Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, незначительное число африканских и южноамериканских государств...);

3. несколько исламских стран, связанных с косово-метохийскими албанцами /пан/исламской солидарностью (Афганистан, марионеточные проамериканские власти которого первыми в мире заявили о признании, потом Саудовская Аравия как глобальный защитник, Турция как балканский спонсор...);

4. группа маленьких островных государств в Тихом океане под влиянием США или бывших европейских колониальных метрополий. (карта 8)

Таким образом, антисербская роль НАТО является решающей не только в акте косовского отделения, провозглашенного руководством албанского национального меньшинства, но и в процессе достижения как можно более массового признания

*Карта 8: Государства, признавшие нелегальную косовскую независимость
(до 13 января 2011 года)
Источник: www.wikipedia.org/NATO_countries*

в качестве совершившегося факта накануне вердикта Международного суда ООН в Гааге о легальности самопровозглашенной „независимости” по международному праву.

Путем насильственного военного захвата, а потом и спонсирования „независимости”, НАТО лишает сербов и Сербию косовского центра национальной и государствообразующей идентичности. В нем расположены не только средневековые ориентиры сербской православно-христианской духовности, но и живые центры подлинного культурно-цивилизационного бытования. Монастыри и храмы, древние укрепленные города, столицы, памятники, поля сражений, письменные документы и устное наследие, топонимы, гидронимы и этнонимы – все это свидетельствует о сербской автохтонности и непрерывности существования в Косово и Метохии как центральной территории сербского государства. И все это сепаратистское движение косово-метохийских албанцев под покровительством НАТО систематически разрушает, сжигает, уничтожает, переименовывает и искореняет, стремясь сфальсифицировать подлинную этноисторическую и геополитическую идентичность данного пространства. Вопреки этому, именно сербов упрекают в том, что они являются „анахронно неприспособленными”, „иррациональными пленниками истории” и „заложниками косовского мифа”, и что им следует „уважать реальность” косовской независимости и вернуться к будущему и „стать прагматичными” в современном рациональном и материалистическом мире. Мнимая сербская чрезмерная эмоциональная привязанность к Косово и Метохии

и закрытость в традиционные сакрально-географические, геокультурные и геополитические матрицы не корреспондируют с постмодернистским дискурсом всемогущей геоэкономии.

Следовательно, из евроатлантических институтов и стран сербам „благожелательно” подсказывают, что Косово и Метохия не имеют экономическую ценность, являясь лишь обузой, которой следует поскорее освободиться. Этими 12,3% территории Сербии³⁰ необходимо пожертвовать ради обещанного процветания Сербии, ожидающего ее только если войдет в состав НАТО и ЕС. Но и по этим прагматичным, экономическим соображениям Косово и Метохия жизненно важны для Сербии. Центральное положение на Балканах имеет преимущественно геополитическое измерение, но из этого проистекают производственные, транспортные, торговые и прочие ценности. Котловины Метохия и Косово имеют очень плодородную землю и благоприятный климат – ключевые предпосылки для развития земледелия и производства продовольствия, считающегося в современном мире стратегическим продуктом. Богатство качественной водой огромно – а она также все больше приобретает статус стратегического ресурса. Вода и продовольствие в геополитическом смысле считаются „нефтью и газом XXI столетия”, ценность и дефицит которых в будущем вызовут не только большинство конфликтов, но и значительные миграции населения. Залежи неметаллов и цветных металлов в Косове и Метохии (в особенности свинцово-цинковой руды) значительны даже в европейских масштабах. Запасы бурого угля, необходимого для получения электроэнергии и достижения „энергетической безопасности” Сербии (и Балкан в целом) – входят в ряд крупнейших в мире! (диаграмма 1) Без косово-метохийских природных ресурсов экономические перспективы Сербии очень уменьшены. А данных природных основ развития Сербия лишена именно благодаря НАТО, что является доказательством продолжения постмодернистской, неокеннановской стратегии сдерживания Сербии.

Вопреки весьма отрицательному опыту отношений с экспансивным талассократическим Западом в течение прошедших двух десятилетий, включение в евроатлантические интеграции является главной провозглашенной внешнеполитической, экономической, геополитической и геостратегической ориентацией большинства сербского политического класса. Присоединение к ЕС всеобъемлюще раскручивается как „безальтернативный путь”, „решение всех проблем”, „путь к тому, чтобы стать нормальной страной”,

KOSOVO LIGNITE RESERVES COMPARED TO THE WORLD

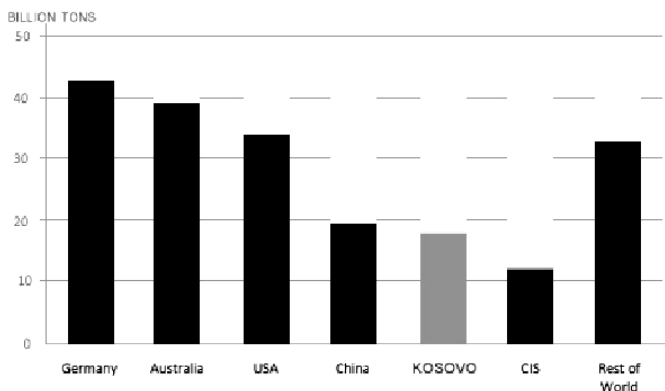

Диаграмма 1: Запасы бурого угля в Косове и Метохии в сравнении с крупнейшими мировыми запасами
 Источник: www.wikipedia.org/Kosovo-lignite.jpg

„включение в цивилизованное, демократическое и процветающее общество”, „опция, пользующаяся поддержкой большинства граждан” (хотя не проверена референдумом – прим. М.С)... Любая иная опция заранее провозглашается „заблуждением”, „авантюризмом”, „безумием”, „безответственностью”, „анахронным традиционализмом”, „националистическим аутизмом”, а население систематически индоктринируется и запугивается „экономической катастрофой”, „изоляция”, „дальнейшим окружением, фрагментированием и сдавливанием Сербии” если государство не пойдет по пути интеграции в ЕС. Одновременно, пока Сербия „ползком приближается к НАТО” и трансформирует свою армию в соответствии с НАТО-стандартами, для раскрутки ее вхождения в этот военный союз выжидается более подходящий timing только по двум причинам: из-за весьма отрицательной настроенности народа к НАТО из-за агрессии в 1999 г. и „ампутации” Косово и Метохии, а также из-за обязывающей декларации Парламента Республики Сербии о военной нейтральности страны. Обеспокоенная и недоверчивая сербская общественность все громче требует своевременно объявить референдум о вступлении страны в НАТО (показательно то, что все еще не настаивают на референдуме о вступлении в ЕС!?). Но общественность одновременно анестезируют риторикой, что „НАТО все еще не на повестке дня”, „в НАТО нас пока никто не зовет”... Прежде чем с подобной (псевдо)аргументацией, уже применяемой для подготовки к включению в ЕС, не начнут

устранять два указанных „препятствия” для вступления в НАТО, в оборот запущена самообманывающая официальная политическая „формула” Сербии – ЕС: да, НАТО: нет. Если ЕС и НАТО являются двумя взаимодополняющимися организациями, если из 27 членов ЕС только 6 не вошли в НАТО, если из 26 европейских членов НАТО только 5 не вошли в ЕС, если одновременно в ЕС и в НАТО находятся самые мощные европейские государства (Германия, Великобритания, Франция, Италия...), если и ЕС, и НАТО имели по сути одинаковое антисербское отношение при деструкции СФРЮ, если и ЕС, и НАТО в отношении Сербии и Республики Сербской по сей день ведут политику ультиматума и шантажа, если из 12 стран в двух последних расширениях ЕС 10 сначала вошло в НАТО (все бывшие социалистические страны), если и ЕС, и НАТО выступают за лишение Республики Сербской власти, т.е. за унитаризацию Боснии и Герцеговины, если лишь 5 из 27 стран ЕС, и лишь 4 из 26 европейских стран НАТО не признали косовскую независимость (а самые мощные признали), если и ЕС, и НАТО систематически нажимают, чтобы как можно больше стран мира признало косовскую независимость, если и ЕС (политико-экономическим), и НАТО (военно-силовым образом) во взаимной координации заняты созданием, консолидацией, государственным конституированием и международным оформлением „независимости” самозванного, НАТОидного образования Republika e Kosovës, если ЕС (посредством ЕУЛЕКС) и НАТО (посредством КФОР) стремятся осуществить насильственную интеграцию оставшихся сербских областей Косова и Метохии в нелегальную политико-силовую систему сепаратистских властей албанского национального меньшинства, если..., то неминуемо задаться ключевым вопросом: возможно ли вхождение Сербии в ЕС, но без вступления в НАТО? Следовательно, в случае референдума о вступлении Сербии в НАТО, разве не логично и необходимо провести референдум и о вступлении Сербии в ЕС?

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Так как СФР Югославия не дезинтегрировалась в один миг, договорным распадом с одновременным провозглашением независимости ее республик, термином геополитическая транзикация определены период и процессы последовательной деструкции югославского государства, создание новых государств и государствоподобных образований внутри ее бывших границ, пересмотр регионального, европейского и глобального положения данного пространства, и смены влияния великих держав на Балканах в контексте постбиполярной перемены всемирного равновесия. См. Миломир Степић: Српско питање – геополитическо питање, Јантар-група, Београд, 2004. С. 197.

- 2) Nicholas Spykman, *The Geography of the Peace*, Harcourt, Brace & Co., New York, 1944. Концепция Rimland-а разработана раньше, а эту книгу коллеги Спайкемена редактировали и опубликовали после его смерти.
- 3) Геополитическое понятие Rimland можно перевести как Дуговая земля, Береговая зона... В отличие от географического понятия береговая зона, охватывающего более узкий прибрежный пояс, Rimland простирается намного глубже во внутренность Евразийского материка, охватывая и отдельные сугубо континентальные области (hinterland).
- 4) По сути, это – контрсиллогизм по отношению к силлогизму Макиндера: Кто контролирует Восточную Европу, тот господствует над Хартлендом, кто господствует над Хартлендом, тот контролирует Мировой остров, кто контролирует Мировой остров, тот господствует над миром. См. Halford John Mackinder, *Democratic Ideals and Reality*, National Defense University Press, Washington, DC, 1942. /электронное издание/; подлинное издание: Henry Holt &Co., New York, 1919. (p. 106)
- 5) Длинную телеграмму (The Long Telegram) Кеннан отправил в Вашингтон из Москвы 22 февраля 1946 года, обосновав в ней исторические причины возможных послевоенных (ре)акций СССР. Американская стратегия сдерживания (The Strategy of Containment) вытекает из статьи Кеннана Истоки советского поведения (подлинное название: The Sources of Soviet Conduct), опубликованной у июльском номере ежеквартального журнала Foreign Affairs 1947 года под псевдонимом „X“, в котором он свои “телеграммные наблюдения” уточнил.
- 6) Радован Павић, *Основе опће и регионалне политичке географије, геополитике и геостратегије*, I дио, Факултет политичких наука Свеучилишта у Загребу, Загреб, 1973. (стр. 353)
- 7) Большинство учредителей (в т.ч. Югославия) и ключевых государств Движения неприсоединения имели важное геополитическое положение и связующую роль в Rimland-е.
- 8) С 1960-х гг. началась стремительная деколонизация африканских государств (1960 г. – „Год Африки“). Если бы они, по принципу контролчка маятника, массово заняли просоветскую ориентацию, Rimland бы оказался между первичным, евразийским Heartland-ом и вторичным, африканским Heartland-ом (африканский Heartland также введен Макиндером в его капитальном труде *Демократические идеалы и действительность*, опубликованном в 1919 году). В этом контексте, включая тогдашний Берлинский и Кубинский кризис, Rimland бы оказался „между молотом и наковальной”, то есть его роль окружения Советского Союза была бы сорванной. Нельзя считать случайным тот факт, что именно Джордж Кеннан, создатель стратегии сдерживания и один из самых элитарных американских дипломатов того времени, в июне 1961 года стал послом в Белграде, а в сентябре того же года, также в Белграде, состоялась первая конференция неприсоединившихся стран!
- 9) О всеобъемлемости, течении и проблемах процесса выздоровления России после прихода к власти Владимира Владимировича Путина см.: Винко Ђурић, *Путинизам: историја – теорија – пракса*, Институт за политичке студије, Београд, 2008.
- 10) Збигњев Бжежински, *Велика шаховска табла, ЦИД, Подгорица; Романов, Бања Лука*, 2001.
- 11) Подробнее см.: Миломир Степић, „Перспективе Косова и Метохије у контексту глобалних геополитичких концепција”, Срби на Косову и у Метохији, Зборник радова са научног скупа одржаног у Косовској Митровици 27-29. маја 2005. године: Научни скупови, Књига 112; *Одељење друштвених наука*, Књига 26; Српска академија наука и уметности, Београд, 2006.
- 12) Характерное обоснование американского интервенционистского всеприсутствия, по стереотипности не уступающего прежним имперIALным традициям, представил Генри Киссинджер именно на примере Балкан: „Соединенные Штаты на Балканах по сути выполняют ту же функцию, что и Австрийская и Османская империи в конце 19-го века, сохраняя мир созданием протекторатов между противоборствующими этническими группами.” См.: Хенри Кисинджер, *Да ли је Америци потребна спољна политика: у сусрет дипломатији 21. века*, БМГ, Београд, 2003. (стр. 13)
- 13) О Балканской геополитической дуге подробнее см.: Миломир Степић, *Српско питање – геополитичко питање*, Јантар-група, Београд, 2004. (стр. 210-219)

- 14) Подробный анализ и картографическое изображение геополитического положения и роли сербских земель в балканской Heartland-Rimland (суб)системе см.: Миломир Степић, У вртлогу балканизације, ЈП Службени лист СРЈ и Институт за геополитическе студије, Београд, 2001. (стр. 102-108)
- 15) Как в первом так и во втором выражении понятие Сербия охватывает сербский фактор целиком, т.е. всю совокупность сербских земель на Балканах.
- 16) Миломир Степић, „Могућности симбиозе српских и руских геополитических интереса на Балкану“, Национални интерес, год. V, vol. 5, бр. 1-2/2009., Институт за политичке студије, Београд, 2009. (стр. 67-68)
- 17) З. Бжежински – Велика шаховска табла. (стр. 57)
- 18) Генри Киссинджер похоже озаглавил первую главу своей книги („Америка на вершине: царство или предводительство?“). См.: Х. Кисинџер, Да ли је Америци потребна спољна политика: у сусрет дипломатији 21. века. (стр. 11-27)
- 19) Дискусија „Саммит НАТО 2009 – новые члены, старые члены“, прошла в апреле 2009 года в посольстве Чехии в Белграде. См. статью „НАТО и ЕУ су комплементарни“, Политика, 25 апреля 2009 года.
- 20) О способе и фазах российского „перехвата“ Европы/ЕС у США см.: М. Степић, „Могућности симбиозе српских и руских геополитических интереса на Балкану.“ (стр. 63-64)
- 21) Идея и несколько картографических вариантов мультиполярного разделения мира в несколько „блоков“, включая и Евророссию, конципированы в 1994., а опубликованы в 1997 году. См.: Миломир Степић, „Будућа блоковска структура света“, Економика, Вол. 33 (1997), бр. 1-2, Економика, Београд, јануар-февруар 1997. (стр. 37-41)
- 22) Украина с „Оранжевой революции“ 2004 года вплоть до президентских выборов в начале 2010 года имела выраженную антироссийскую (гео)политическую ориентацию.
- 23) Наряду с газопроводом, большое значение придается и планируемому трансбалканскому нефтепроводу Констанца – Панчево – Триест, который также должен пройти через Сербию. Учитывая, что маршруты как газопровода так и нефтепровода пройдут через северную часть Сербии, Воеводину, где пересекаются и где будет большое хранилище Банатски-двор, Воеводина может оказаться геополитически инструментализированной как очередное антироссийское препятствие. Значительно увеличенные, некоторые даже государствовподобные полномочия, содержащиеся в новом Уставе Автономного края Воеводина, принятом в конце 2009 г., могут вызвать и такие последствия.
- 24) Соответственно, конкурирующим нефтепроводом был бы БТЧ (Баку – Тбилиси – Джейхан).
- 25) Приемом Румынии и Болгарии НАТО „перешла Рубикон“. На балканском секторе трансатлантического „плацдарма“ США, НАТО и ЕС перешли через горы Стара-планина, Джердап и Карпаты, выйдя к Черному морю. Эта „капля переполнила чашу терпения“ России. „Это было поворотным моментом для геополитически озвученной российской реакции“, ведь любое промедление стало бы катастрофой для ее жизненно важных интересов. См.: Миломир Степић, „Србија у евроазијској и неоевроазијској концепцији – упоредна геополитическа анализа“, Русија и Балкан – питање сарадње и безбедности, Институт за политичке студије, Београд, 2008. (стр. 44)
- 26) Многие релевантные западные источники подтверждают геополитические мотивы ускоренного включения Румынии и Болгарии в евроатлантические интеграции. Например, согласно анализа Stratfor: „На процесс расширения ЕС влияет геополитика. Присоединение Румынии и Болгарии в 2007 г. в основном мотивировалось желанием ЕС пресечь любое российское влияние на беспокойных западных Балканах.“ (См. www.stratfor.com/memberships/149009/analysis/20091117_eu_rapidly_expanding_balkans)
- 27) Х. Кисинџер, Да ли је Америци потребна спољна политика: у сусрет дипломатији 21. века. (стр. 81)
- 28) Возможные сомнения относительно включения Румынии и Болгарии США и Европой в антироссийские и антисербские геополитические действия развеял и Гюнтер Ферхойген, бывший вице-президент Еврокомиссии и комиссар ЕС по вопросам расширения. В интервью газете Данас под показательным

заглавием „Турции не войти в ЕС пока не признает Кипр, то же касается и Сербии“ (имеется в виду признание независимости Косова), на вопрос-констатацию журналиста о том, что румыны и болгары вошли в ЕС благодаря Косову, он ответил: „Иные сейчас говорят, что начало переговоров и последующий прием Болгарии и Румынии в ЕС было ошибкой, но они забывают, что мы имели четкую геополитическую причину для начала переговоров с этими двумя странами: война в Косове! Нельзя забывать, что стабильность в этой части Европы тогда была заботой номер один в ЕС. Румыния и Болгария весной 1999 г. сыграли существенную роль для стабильности региона.“ Журналист далее спросил касается ли это факта что Румыния и Болгария не позволили российским военным самолетам перелететь через их воздушное пространство, чтобы присоединиться к российским соединениям в аэропорту Слатина в Приштине (сразу же после окончания агрессии НАТО против Сербии, российские миротворцы внезапным марш-броском из Боснии и Герцеговины прибыли в аэропорт Слатина, что разгневало командование НАТО, и только благодаря сдержанности британского генерала Джонсона не произошла прямая стычка российских и НАТО соединений; прим. М.С.). Г. Ферхойген ответил однозначно: „Именно. Они тогда стопроцентно выполнили свою часть работы, все то, что мы ожидали. Поэтому я боюсь даже предположить, что случилось бы на Западных Балканах, не имей Румыния и Болгария четкую перспективу членства в ЕС“. (См. www.nspm.rs/prenosimo/turska-ne-moze-u-eu-dok-ne-prizna-kipar-isto-vazi-za-srbiju.html; источник: Данас, четверг, 11 февраля 2010 года)

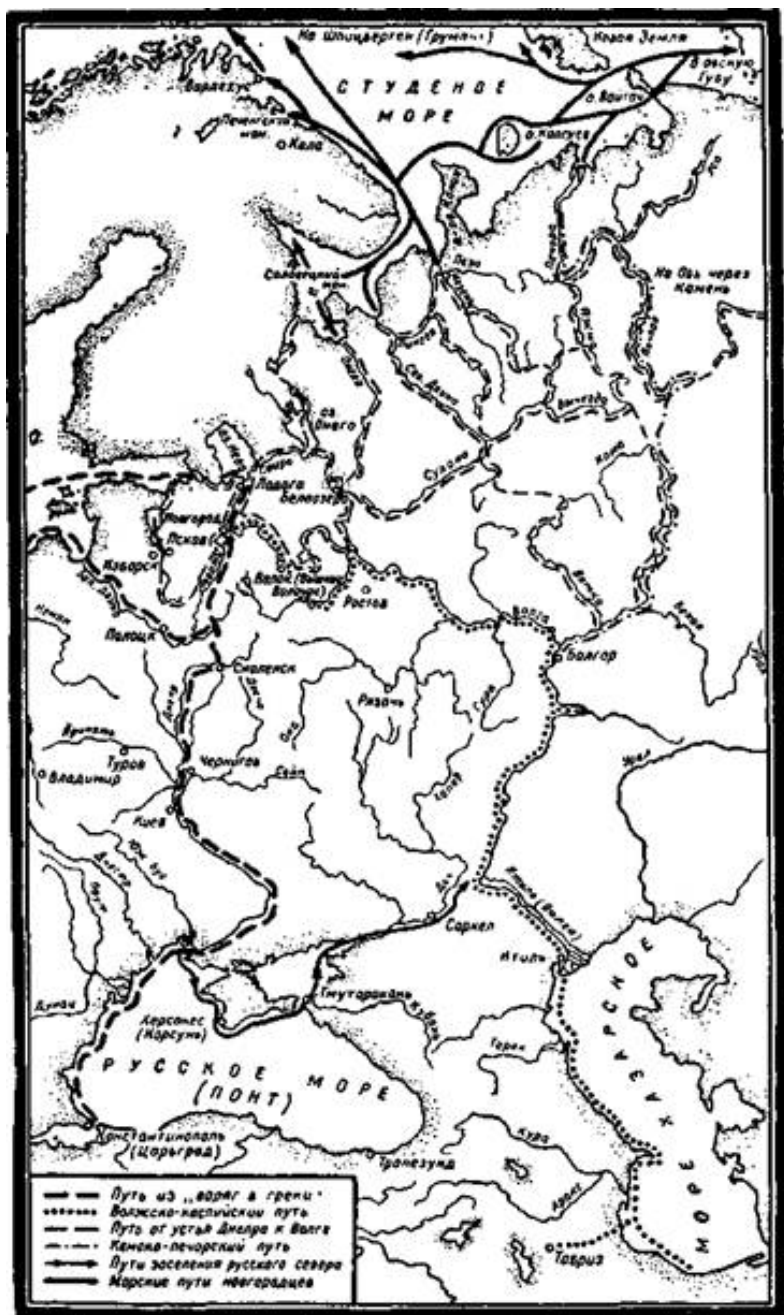
29) Термин академика Милорада Екмечича, историка, члена Сербской академии наук и искусств.

30) В медийном, политическом, и даже научном обращении чаще всего ошибочно указывается, что территория Косова и Метохии составляет 15% территории Сербии.

Проект Межморья и геополитика региональных рисков

Савин А.В.

Прием новых членов в ЕС изменил геополитическую картину Европы. К Атлантико-Средиземноморскому фактору, который был доминирующим, добавился Балтийско-Черноморский, и страны из этого региона были вынуждены столкнуться с решением ряда вопросов – адаптации законодательной системы, политических и гражданских институтов, экономики; в то же время, сохраняя свой этноцентр, а также национальную историческую память и традиции. Данная историческая перспектива, особенно во время транзитного периода, характерна пересмотром своей геополитической роли по отношению к действующим акторам и окружающему пространству. В этом плане новые члены ЕС – страны Центральной и Восточной Европы активно включились в международные политические процессы, что привело к определенной дихотомии. Условные обозначения на Восточные и Юго-восточные регионы все еще сохраняются в западных центрах, таких как Германия и Франция, более того, учитывая географическую периферийность (то же, но с другим знаком можно сказать и в отношении как Португалии и Испании, так и скандинавских стран), термин «восточный» будет еще сохраняться определенное время. Однако географическое расширение сделало возможным зарождения дискурса о новых геополитических осях, в определенной мере, конкурирующих со старыми векторами. Вопрос центральности для общего определения новой Европы (термин Фридриха Науманна «Срединная Европа») также продолжал интерпретироваться. Были предложены такие дефиниции, как «МидиЕвропа», «Димидальная Европа» и «Вискальная Европа», которые основаны на соответствующих латинских терминах¹. На них накладывались существующие концепции евروهенов, основанные на модели водоразделов (зона бассейнов рек Маас-Рейн, Дунайская низменность). Аналогично, в новой постмодернистской и технополитической (энергетическая и коммуникационная составляющая) версии был возрожден проект Межморья польского географа и картографа Евгениуша Ромера, прототипом которой в свою очередь послужила ягеллонская идея. Стратегия Йозефа Пилсудского (как известно из истории, неудачная) по созданию «Польши

от моря до моря» была построена именно по этой модели. Вместе с коммуникационной привлекательностью (адаптация пути «из варяг в греки» по новому сценарию) эта геополитическая модель имела и этнонациональное содержание – предполагалось, что балто-славянская культурная идентичность послужит дополнительной основой для реализации этого проекта. Необходимо отметить, что в настоящий момент вопросы о балто-славянских корнях являются темой для политических спекуляций в Беларуси – на фоне обострения отношений между руководствами официальных Минска и Москвы, там развивается концепция литвинства, которая вызывает противоречивые отклики у самих белорусов². Параллельно с этим начало употребляться слово из обихода XIX в. «тутэ́шні», которое обозначало самоопределение жителей Беларуси и прилегающих регионов Украины. Необходимо отметить, что как Беларусь, так и Украина, исходя из-за своего геополитического расположения, могли бы играть значительную роль в качестве государств-транзитеров, однако пока эти страны не являются членами ЕС и не могут быть полноценными игроками в подобном проекте. Более того, даже между государствами, которые можно условно отнести к единому цивилизационному типу, называемому иногда западно-христианским миром или западно-европейскому суперэтносу, существует ряд глубинных противоречий, имеющих исторические или этнополитические причины, выраженные в устройстве границ и взглядах на распределение ресурсов. Столкнувшись с давлением старых членов ЕС в отношении гомогенизации экономического пространства, что отразилось в первую очередь в том, что транснациональные корпорации получили доступ к национальным ресурсам, государства Балто-Черноморской оси были заинтересованы в протекционистских мерах направленных против такого одностороннего эффекта от глобализации. Хотя К. Полани еще в середине XX в. доказал, что рынок является одной из трех форм аллокации ресурсов (наряду с перераспределением и реципрокностью)³, а Ф. Перу также выделил три формы, на основе которых состоит экономическая структура общества (товарное перемещение благ, вынужденное перемещение благ и солидарное перемещение благ)⁴, новые государства ЕС были вынуждены принять условия рыночного либерализма, что отразилось на попытках выработки новых региональных проектов, соответствующих как устремлению политико-экономических центров в лице Германии и Франции, так и национальных интересов.

Евробюрократия, хоть и настаивает на исторической ответственности, как посредством риторических заявлений⁵, так и

с помощью введения единых стандартов, это не исключает риски экономической и социальной дестабилизации.

Существует распространённое мнение, что демократические государства не применяют санкций по отношению друг к другу, так как между их гражданами и элитами существует понимание, основанное на общих ценностях и идеях. Частично это верно, однако упускается тот факт, что современные демократические государства отстаивают в свою очередь свои интересы, а потом уже общие ценности. Согласно теории либералов и конструктивистов национальные интересы определяются значительно большим количеством факторов, чем расположение государства в международной системе. Исходя из этого, внутренние ценности и приоритеты могут перевесить общие ценности и нормы, разделяемые с другими государствами, а продвижение национальных интересов в дальнейшем привести к конфликту⁶. Не обязательно конфликт должен быть военным или политическим. Вполне эффективным механизмом для сдерживания государства и даже его дисфункции могут быть различные экономические санкции. При этом, «экономические войны» могут вестись между странами, которые на протяжении длительного времени были партнерами и имели общую историю. Некоторые исследователи связывают такие прецеденты с недостаточно развитой политической культурой государства (известны такие термины, как пост-

тоталитарное устройство, страны с транзитной экономикой и пр.), однако экономические связи США с другими странами убедительно демонстрируют, что санкции могут быть применены к демократическим странам, в то же время торговля может вестись с диктаторскими режимами. Также следует отметить, что термин «дефицит демократии» возник именно в Европе в 1977 г. для определения неспособности ЕС решить вопросы, связанные с нуждами европейских граждан⁷.

Что, касается возможности экономического давления, то Хафбаер, Шот и Эллиот в своем исследовании отмечают⁸, что демократические страны могут применять санкции по отношению друг к другу, исходя из трех независимых переменных, таких как:

- Уровень торговли демократической страны;
- Экономическая мощь демократического государства и возможность покрывать расходы, связанные с санкциями;
- Внутренние ценности и приоритеты.

С ценностями и приоритетами как раз связаны противоречия как внутри Европы, так и по отношению к основным партнерам – США и России. Это происходит по причине различных версий национализма в этих странах и стратегической культуры, которая напрямую связана с внешней политикой. Британский теоретик международных отношений Кен Бут связывает стратегическую культуру с этнической (национальной) самоидентификацией. Бут отмечает, что «думая о рациональном поведении других, стратеги имеют тенденцию проектировать свои собственные культурные ценности..., но должно быть очевидно, что можно лишь предсказать поведение «рационального человека», если и у наблюдателя и у наблюдаемого сила и власть логически похожи. В этот процесс вмешивается этноцентрическое восприятие: это означает, что собственные ценности и смыслы по поводу приоритетов, спроектированы на другого. Этим процессом этноцентризм подрывает центральное действие в стратегии, которое сначала оценивает то, как другие смотрят на мир, а затем уже происходит процесс осмысления и действия»⁹. Один из авторов концепции стратегической культуры Алистер Джонстон отмечал, что в ее основе лежат ответы на три важных вопроса: роль войны в международных отношениях, природа врагов и угроз, которые они могут представлять и применение силы¹⁰. Современный геополитик Колин Грей также проводил взаимосвязь между культурными пластами определенного народа и государственной стратегией. Он указывал, что «никто и никакое учреждение не могут

действовать вне культуры», и что «природа и функция стратегии являются постоянными и универсальными и она, также, в ее специфической и динамической исторической форме и содержании, неизбежно является культурной»¹¹. Безусловно, практически во всех странах рассматриваемого нами региона существуют культурно-политические традиции, в рамках которых деятельность Российской Империи, а позже СССР и сейчас России, рассматривается как экспансионистская политика, которая может выражаться в военной агрессии, ресурсной политике и имперских амбициях, связанных с ностальгией по прошлому. Поэтому в странах Балто-Черноморской оси существует как гражданский национализм, где действия руководства России и русской культуры в целом подвергаются оценочным суждениям, так и военно-политическая составляющая на уровне межгосударственного сотрудничества, выраженная, в первую очередь, в деятельности Североатлантического альянса.

Внешнее влияние также играет определенную роль в формировании международной политики стран Балто-Черноморской оси и интеграционных процессах региона. На фоне трансатлантического сотрудничества, связанного с США, появился такой термин как рефлексивный атлантизм по отношению к странам региона. Он означает целенаправленные действия руководства страны во внешней политике, в первую очередь, направленные против интересов России. До 2010 г. такую линию проводили Польша и Украина, продолжает проводить Румыния. Ряд амбициозных проектов, связанных с энергетическими коммуникациями, также связаны непосредственно с рефлексивным атлантизмом. В действительности же попытки адекватно решить энергетическую зависимость от России оцениваются по-разному. Эксперты Российского Института Стратегических Исследований считают, что в будущем усилия европейских стран по диверсификации поставок топлива приведут к снижению объема экспорта газа из России¹². На Западе также лоббируют проекты по добыче сланцевого газа, которые активно поддерживают США, но они имеют объективные трудности – экологические последствия, высокая плотность населения, наличие фермерских угодий в зонах предполагаемого бурения и т.п.¹³

Важно также отметить, что в отношении самого понятия Балтийско-Черноморской оси существует неопределенность. Как правило, под таким названием подразумеваются страны региона, входившие ранее в СССР (Латвия, Литва, Эстония, Беларусь, Украина, Молдова) и Варшавский блок (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Болга-

рия, Румыния). При этом Вышеградская группа (Польша, Венгрия, Словакия и Чехия), явившаяся первой структурой со времен падения Берлинской стены, которая самостоятельно заявила об интеграционных приоритетах во внешней политике, тяготеет к Дунайско-Балканскому региону, что гипотетически подразумевало создание треугольника Адриатика-Балтика-Черноморье. «Свидетельством такого подхода стало создание в 1992 г. зоны свободной торговли Центральной Европы на базе Центральноевропейского соглашения о свободной торговле (ЦЕФТА). Кроме стран – членов Вышеградской группы, в ЦЕФТА вошли Болгария, Словения, Румыния и Хорватия»¹⁴. Ряд украинских экспертов и политиков также рассматривали Балто-Черноморское сотрудничество как перспективное для Украины, т.к. страна является важным связующим звеном между Севером и Югом¹⁵. Неопределенность также выражается в том, что не совсем ясно, какие государства можно относить к этой оси, а какие нет. Так как если брать полный географический спектр, то в эту ось должны войти государства Северной Европы, которые имеют выход к Балтийскому морю, а также Турция и страны Южного

Кавказа, в первую очередь, Грузия. Кроме того, на данный момент в таком блоке остаются слабые места – государства с проблемным суверенитетом – Приднестровье, территорию которого оспаривает Молдова, и Абхазия, к которой имеет территориальные претензии Грузия. В первую очередь для Центральной Европы беспокойство причиняет Приднестровье, так как из-за статуса этой непризнанной республики интеграционные проекты в регионе не могут быть окончательно утверждены.

Можно сказать, что первоначальные попытки основать союз региональной кооперации, вместе с историческими компонентами в определенной мере послужили базой для пере моделирования этого проекта в иную, более широкую стратегическую плоскость, затрагивающую интересы крупных сил – как континентальных (евразийских), так и атлантических (мондиалистских). Неслучайно ряд исследователей начал сравнивать модель балто-черноморской оси с санитарным кордоном, который образовался после Версальского соглашения по окончании Первой мировой войны. Основными протагонистами идеи создания новых государств в Центральной Европе на обломках Австро-Венгерской и Российской Империй были Вудро Вильсон и Хэлфорд Макиндер. Американский президент обосновывал необходимость создания новых суверенных государств на национальной основе, в то время как британский географ и политик предложил проект санитарного кордона между Германией и Россией. По мнению Макиндера, который во время гражданской войны в России являлся эмиссаром Антанты в Украине, для того чтобы сдерживать Россию, на территории которой находится географическая ось истории¹⁶, необходимо было не допустить ее сближения с другой континентальной силой – Германией, для чего нужно было создать цепь из новых государств, начиная с Северной Европы и заканчивая Кавказом. Геополитическим проектом, косвенно связанным с подобными идеями, можно назвать ГУУАМ, который не получил никакого реального развития и определялся как проект стран Запада (включая США) по созданию искусственного барьера между современными Россией и ЕС.

С учетом вышесказанного, при эскалации напряжения отношений как стран, входящих в восточную периферию ЕС, так и всего Европейского Союза в целом с Россией, это будет приводить к определенной демонстрации силы. Если будет проведена четкая идентификация, где применение (угроза применения) военной силы будет наиболее эффективным, этот метод также может быть применен. Ранее Генштаб России заявлял о возможности размещения опера-

тивно-тактических ракетных комплексов «Искандер» в Калининградской области. Модернизация Черноморского и Балтийского военно-морских флотов Российской Федерации также относятся к этому виду *hard power*¹⁷. По мнению руководителя программы по исследованию ЕС Йельского университета Дэвида Кэмерона, Россия по отношению к Европе стратегически применяет линию *smart*, что зачастую ставит европейцев в тупик. Кэмерон это связывает с тем, что у всех стран сообщества свои национальные интересы, а многие из них зависят от российских энергоносителей¹⁸.

Балансирование между двумя осями *hard* и *soft power* может послужить дальнейшей стратегией стран региона. Это связано не только с объективными императивами международной обстановки, но и наличием новых рисков, а также процессом осетевления общественных процессов. Изменения, связанные с информационной эпохой привели не только к появлению такого феномена, как электронная демократия, но несут в себе угрозы киберпреступлений, а в общем способствуют тому, что подобные техники влияния и борьбы за власть могут применяться и негосударственными акторами, которые отстаивают свои интересы или являются проводниками чужих. Как справедливо отмечают специалисты по сетевым войнам Аркилла и Ронфельдт, «четко организованные, ограниченные группы, которые ранее поддерживались государственными спонсорами, трансформируются в произвольно организованные, международные сети террористов... Преступные организации создают сети и сотрудничают друг с другом намного плотнее, чем это было раньше, что позволяет им сочетать экспертизу и расширять область своих действий. Вместо того, чтобы рассматривать друг на друга как конкурентов, множество преступных организаций делятся друг с другом информацией, услугами, ресурсами и доступом к рынку согласно принципу сравнительных преимуществ»¹⁹. Вместе с угрозой роста нелегальной миграции, а также эффекта исламизации ряда европейских стран, подобные тенденции указывают, что для их мониторинга, профилактики и эффективных мер сдерживания новых угроз, старые методики не подойдут. Поэтому предложения Аркиллы и Ронфельдта, изложенные в их работе *Advent of Netwar* по выработке диапазона альтернативных стратегий, которые позволяют применять их по отношению друг к другу, представляются вполне применимыми.

В отношении перспектив развития государств, которые относятся к Балто-Черноморскому региону существует ряд прогнозов и индексов, которые отражают динамику социально-политических

изменений в регионе. Один из ведущих экспертов по геополитике из США, директор частной разведывательно-аналитической организации Stratfor Джордж Фридман считает, что после окончания холодной войны Европа до сих пор пребывает в легком хаосе и распутать этот клубок сложных и неоднозначных отношений между разными институтами не представляется возможным. Он также отмечает, что за внешне благопристойным фасадом Европейского Союза «кроются застарелые националистические «язвы» Европы»²⁰. Автор предполагает также дальнейшую конфронтацию с Россией, т.к. она будет пытаться восстановить свое влияние в бывших советских республиках и это ей удастся и в Украине, и в Беларуси. Фактический выход российского военного и экономического присутствия вплотную к границам Польши и странам Балтии заставит эти страны проявить определенное беспокойство. По мнению американского эксперта, если страны Балтии останутся нейтральными, то Россия будет чувствовать себя в безопасности, но США могут захотеть усилить мощь Польши и стран Балтии, тем самым, создавая первый очаг конфликта в регионе. Вторым очагом может стать Южный Кавказ в лице Грузии²¹.

Есть и более мирные версии прогноза. Глобальный рейтинг мощи ведущих 100 стран мира, составленный международной группой ученых на основе политических и экономических показателей, не зависящих от конъюнктурных показателей отдельной страны при сценарии «умеренной глобализации»,²² показывает, что серьезных изменений не предвидится. Среди стран региона только Беларусь, Литва, Молдова и Польша улучшат свои геополитические показатели. По ряду параметров рейтинг ухудшится у Украины, но по другим улучшится. В целом, среди стран Балто-Черноморской оси серьезных изменений не произойдет. С одной стороны, это характеризует определенную социальную и политическую устойчивость, с другой – свидетельствует о том, что текущие проблемы в различных областях, возможно, останутся не решенными.

Учитывая изложенное, наиболее приемлемым сценарием развития стран Балтийско-Черноморской оси будет прагматический подход, который привязан к геополитической специфике региона и будет направлен на трансграничное сотрудничество по вопросам безопасности, торговли, экономического развития, как со странами Западной Европы, так и с Россией, при этом выйдя из-под влияния США, как прямого, так и опосредованного членством в НАТО и военной помощью.

- 1) Дрыночкин А.В. Восточная Европа как элемент системы глобальных рынков. М.: Олита, 2004. С. 11.
- 2) См. напр. Макаров И. Ментальная война в Белоруссии – «психическая атака» литвинства <http://www.zapadrus.su/zaprus/filzr/115-2010-09-03-14-54-43.html> Проекту литвинства посвящен сайт <http://www.litvania.org/>
- 3) Поланы К. Экономика как институционально оформленный процесс. // Экономическая социология, 2002. Т.3 -№2. с. 62-73
- 4) Perroux F. Savoirs économiques mathématiques et théorie englobante. // Economies et sociétés, 1972. – T.VI. - № 8. pp. 1650-1651
- 5) José Manuel Durão Barroso. A New Atlanticism for the Century. 26 March 2010 <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/10/135>
- 6) Chingono H. The Nexus between the Democratic Peace Theory and Economic Coercion: Why Democracies Fight Each Other?//Alternatives: Turkish Journal of International Relations, Vol. 8, No. 4, Winter 2009, p. 69.
- 7) Laffen, B. "Democracy and the European Union", in Cram, L., Dinan, D. and Nugent, N. (eds.), Developments in the European Union, London: Macmillan Press Ltd., 1999, p. 334.
- 8) Hufbauer Clyde Gary, Schott Jeffrey J and Elliot Ann Kimberly. Economic Sanctions Reconsidered, Washington, DC, Institute for International Economics, 2006, p. 20-32.
- 9) Booth K., Strategy and Ethnocentrism. New York: Homes & Meier Publishers, 1979, p 65
- 10) Johnston A., Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History, Princeton: Princeton University Press, 1995
- 11) Gray C., Modern Strategy, New York: Oxford University Press, 1999, p 129.
- 12) Федорцева В.А. Газовый вектор энергетической стратегии Европейского Союза.// Проблемы национальной стратегии № 3(4), 2010.
- 13) Kanter J. Outlook for Shale Gas in Europe Is Uncertain. New York times, October 13, 2010. http://www.nytimes.com/2010/10/14/business/global/14shale.html?_r=2
- 14) Панасюк П. Балто-Черноморский регион: геополитический шанс. <http://soskin.info/ea/2006/3-4/20060303.html>
- 15) Зарубинский О., Черный В. Перспективы Балто-Черноморского сотрудничества.// Зеркало недели. № 8 (536) 5-11 марта 2005. <http://www.zn.ua/2000/2675/49403/>
- 16) Mackinder J.Halford. The Geographical Pivot of History, Geographical Journal, London, 1904.
- 17) Под hard power принято понимать прямолинейные политические действия, обычно связанные с применением военной силы и/или дипломатического давления. Soft Power – это не прямые методы действия. Smart Power является сочетанием обоих. Подробнее см. Nye J. The Powers to Lead. Oxford University Press, 2008; CSIS Commission on Smart Power : a smarter, more secure America / cochairs, Richard L.Armitage, Joseph S. Nye, Jr. Washington, CSIS Press, 2007.
- 18) Dancing with the Bear. An Interview with David Cameron. <http://thepolitic.org/content/view/154/39/>
- 19) Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar. Santa Monica, Rand, 1996.
- 20) Фридман Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М.: Эксмо, 2010. с. 106.
- 21) Там же, с. 154-158.
- 22) Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 ведущих стран мира. М.: МЛСУ, МАИБ, ИНЭС, 2008.

Роль Восточной Европы в геополитической конфигурации европейского континента

Шаповалова А.И.

Формирование геополитического пространства Восточной Европы (ввиду недостатка внутренней целостности и сохраняющейся политической аморфности нет оснований называть его регионом) как относительно обособленного фрагмента на политической карте Европы произошло сравнительно недавно и являлось логическим следствием постсоциалистической реструктуризации восточной части европейского континента. Вступление ряда стран Центральной Европы в евроатлантические структуры и постепенная кристаллизация автономной региональной динамики в Центральной Азии привели к тому, что постсоветские государства европейского континента, выпавшие на начальном этапе из общих направляющих тенденций развития европейской системы, заняли примерно сходное промежуточное место в её структуре и к тому же стали рассматриваться внешними игроками в единой связке. Это способствовало становлению отдельных форматов политики в отношении данных стран, что не слишком усилило внутреннюю консолидацию этого пространства, но придало ему некоторые внешние признаки целостности или по крайней мере общности их геополитического положения.

В этом плане программа Восточного партнёрства Европейского Союза сыграла ключевую роль. Не имея изначально существенного практического наполнения и чёткой политической направленности, она самим фактом своего образования обозначила обособленность шести постсоветских стран и выделила их в отдельное самостоятельное направление политики ЕС. В сущности, в этом и заключался заложенный её инициаторами политический смысл – размежевать форматы отношений ЕС с Россией и с остальными постсоветскими странами, предложив последним более углублённые механизмы сотрудничества, наделённые, в отличие от механизмов отношений Россия-ЕС, некоторыми, пусть и ограниченными интеграционными элементами.

Россия таким образом не только утрачивает роль первостепенного «ментального центра» и главного генератора политических импульсов в Восточной Европе, но, что самое важное,

превращается из неотъемлемого компонента внутренней организации этого пространства в, условно говоря, «рядового» внешнего игрока наравне со США или Евросоюзом. Поэтому экстернализация России является для политического оформления Восточной Европы не менее весомой составляющей, нежели наделение её некоторыми внешними (и во многом искусственными) признаками целостности.

Несмотря на это, оценка того, какую роль играет пространство Восточной Европы в геополитической конфигурации европейского континента, до сих пор остаётся неоднозначной. Одни обозреватели склонны видеть в нём исключительно площадку для конкуренции между ведущими центрами силы в Европе, другие указывают на возможности маневрирования, которыми обладают элиты восточноевропейских государств в ходе данной конкуренции. Однако, главными в этом контексте представляются два вопроса: во-первых, насколько взаимосвязи, которые формируются в этом пространстве как между внешними игроками, так и между его непосредственными участниками, зависят от континентальной конфигурации, и во-вторых, насколько эти взаимосвязи устойчивы и какое структурное значение они имеют для формирования континентальной конфигурации.

Для выяснения этих вопросов рассмотрим процесс эволюции данного пространства за минувшие два десятилетия и конкретные его результаты на текущем этапе.

Нужно признать, что долгое время перипетии в нынешней Восточной Европы не находились на переднем плане европейской

политики. В первое десятилетие после распада СССР это пространство оставалось довольно замкнутым и до некоторой степени периферийным полем европейской системы. Внешние импульсы его структуризации были минимальными и сводились преимущественно к недопущению перетекания за его пределы доминирующих в нём центробежных тенденций к дестабилизации и фрагментации. Почти ничем не сдерживаемые, эти тенденции в полном объёме проявили себя в 90-е гг., приведя не только к нарастанию турбулентности и нестабильности в этом пространстве, но и к аккумуляции в нём значительного конфликтного потенциала.

Нарастание конфликтного потенциала в Восточной Европе происходило на трёх структурных уровнях этого пространства: во-первых, на уровне отношений России с новыми независимыми государствами, во-вторых, на уровне отношений между этими государствами и, в-третьих, внутри этих государств между центральной властью и сепаратистскими образованиями. Хотя первый из указанных уровней, несомненно, генерировал главные структурные импульсы дальнейшей эволюции данного пространства, наличие существенных очагов конфликтности на двух других уровнях привело к дисперсии ресурсов, власти и влияния, не позволяющей придать его структуре даже формальных признаков интегральности.

Как следствие, ни одна из сформировавшихся конфликтных линий не стала фундаментом для построения новой системы взаимосвязей в Восточной Европе. Но совокупный эффект напряжённости по всем существующим конфликтным линиям вылился в невозможность построения подобной системы и на основе кооперативных проектов. Любая, даже секторальная инициатива, направленная на консолидацию восточноевропейских государств, от кого бы она ни исходила, и на каком бы принципе ни базировалась, непременно сталкивалась с проявлениями этой имманентной конфликтности.

Ситуация усугублялась ещё и тем, что практически никто из основных игроков данного пространства не задавался целью преодолеть нарастающие конфликты, стремясь скорее использовать их для получения дополнительных политических дивидендов, нежели нейтрализовать их как потенциальную угрозу безопасности для всей Восточной Европы. Проще говоря, конфликты стали рассматриваться как инструменты политического влияния. Причём эффективных механизмов сдерживания и ограничения

конфликтного потенциала выработано не было – унаследованная с советских времён экономическая взаимозависимость не воспринималась в качестве абсолютной ценности, поддержание которой оправдывало возможные политические уступки, а предложить новый целостный проект, способный оказать цементирующее воздействие на страны данного пространства, никому не удалось. Неудивительно, что в таких условиях лидеры как восточноевропейских государств, так и России не отступали перед перспективой эскалации конфликтов и открыто демонстрировали готовность к конфронтационным сценариям в отношениях друг с другом. Если добавить к этому тактику использования местными элитами конфликтов одного уровня для демпфирования конфликтов на других уровнях, то можно получить достаточно точную картину политического ландшафта Восточной Европы на рубеже тысячелетий и причин углубления его политических разломов.

Ключевым звеном в этой цепочке фрагментации и конфликтности, бесспорно, являлись перипетии российско-украинских отношений. Украина играет для Восточной Европы примерно ту же роль, что играет Казахстан для Центральной Азии – наиболее крупного, относительно самодостаточного государства, имеющего тесные взаимосвязи со всеми участниками данного пространства и способного самостоятельно задавать вектор политических процессов в своём региональном окружении, хотя и не определять его напрямую. Правильно выстроенная стратегия отношений с Украиной могла бы не только дать России существенные рычаги влияния в Восточной Европе, но и обеспечить условия для стабилизации данного пространства без вовлечения внешних сил. Однако, по ряду причин, как объективного, так и субъективного характера, этого не произошло.

Отношения между Россией и Украиной увязли в узких двусторонних противоречиях экономической и энергетической, а со временем и гуманитарной направленности, из-за которых стороны часто жертвовали стратегической ценностью партнёрства ради сомнительных тактических интересов. Удовлетворить эти интересы при довольно конфликтном общем контексте диалога не удавалось, что побуждало как Киев, так и Москву «играть на понижение» значимости двусторонних отношений. Правда, пытаясь нивелировать значимость отношений ради ограничения взаимного влияния, элиты обеих стран тем самым ограничивали и собственные возможности для усиления роли в Восточной

Европе, не говоря уже о консервации политической «раздробленности» этого пространства. Но как украинские, так и российские лидеры не были склонны рассматривать двусторонние отношения в более широком контексте как компонент их соответствующих европейских стратегий, усматривая в этих отношениях в лучшем случае производную от западного вектора своей дипломатии, а в худшем отвлечённое второстепенное измерение внешней политики, никак не связанное с более приоритетными задачами на европейском направлении.

Следствием концептуального тупика в российско-украинских отношениях стала постепенная переориентация обеих сторон на решение своих проблем в ближайшем окружении за счёт привлечения внешних сил. Переломным этапом в этом смысле представляется период 2001-2003 гг., когда благодаря сближению России и Запада на фоне борьбы с терроризмом у Москвы появилось существенное «окно возможностей» в ближнем за-

рубежье. Но грамотно воспользоваться им у Кремля не получилось – выдвижение новой интеграционной инициативы создания Единого экономического пространства четырёх государств сопровождалось нерациональным витком напряжённости вокруг острова Тузла, в контексте которого достичь конструктивных результатов было вряд ли возможно. Эти события показали, что даже при отсутствии активного вмешательства внешних сил, России и Украине не удаётся создать устойчивые механизмы партнёрства, способные не только перевести в русло двусторонние отношения, но и стать структурной основой системы в Восточной Европе.

«Оранжевая революция» стала кульминационным моментом в развитии данных тенденций. Кризис передачи власти на Украине стал также и кризисом действующих стратегий основных игроков в отношении Восточной Европы. В первую очередь, стратегии России, которая в конечном итоге оказалась отстранена от процесса поиска компромиссных путей выхода из украинского кризиса. Но и для других игроков этот кризис стал сигналом о необходимости пересмотра существующих подходов. Так, для Европейского Союза, долгое время предпочитавшего оставаться в стороне от восточноевропейских пертурбаций, более активное вовлечение в дела этого пространства стало не просто необходимым, но и неизбежным итогом его роли посредника в урегулировании кризиса на Украине. Правда, в случае Соединённых Штатов качественных сдвигов в политике по отношению к Восточной Европе не произошло. Наоборот после «оранжевой революции» наблюдался некоторый концептуальный вакуум стратегии США, когда желаемый результат вроде бы достигнут, поэтому насущной потребности в дальнейших изменениях нет, а главная задача заключается в поддержании сложившегося баланса.

Но самым значимым последствием «оранжевой революции» для Восточной Европы стало не столько возрастающее вовлечение внешних сил, – США и ЕС – сколько изменение отношения к такому вовлечению со стороны главных «действующих лиц» данного пространства – России и Украины. Новое украинское руководство расценивало его как главный и единственный способ решения проблем в отношениях с Россией. А Москва, в свою очередь, усматривала в нём главную и единственную причину неудачи собственной политики на этом направлении и, что самое важное, считала, что достижение желаемого результата и укрепление собственных позиций в данном пространстве возможно

только на уровне взаимодействия с Западом. Российские политические деятели и эксперты часто высказывали мысль о том, что, по их мнению, вопросы, касающиеся Украины, Грузии, Молдовы лучше обсуждать в Брюсселе или других западных столицах, нежели в Киеве, Тбилиси или Кишинёве.

Именно эти три обстоятельства – рост активности США и ЕС, готовность стран Восточной Европы использовать противоречия в отношениях России с Западом для усиления своих позиций в отношениях с Россией и настроенность самой России на решение наиболее проблемных вопросов в данном пространстве на уровне взаимодействия с Западом – и привели к тому, что Восточная Европа превратилась в один из компонентов баланса между ведущими центрами силы на европейском континенте. Инкорпорация аккумулированных в этом пространстве конфликтов и противоречий в общий контекст сложного комплекса взаимосвязей между США, Евросоюзом и Россией стала продуктом целенаправленных усилий всех его участников и означала существенное повышение структурного значения этого пространства в геополитической конфигурации европейского континента, но не как самостоятельной силы, способной влиять на ход политических процессов, а как ещё одного поля столкновения интересов ведущих центров силы. Проще говоря, Восточная Европа стала ещё одной крупной ставкой в «большой игре», но, как ни парадоксально, это не привело к качественным изменениям характера процессов в самой Восточной Европе.

Во многом это объясняется особенностями развития в последние годы ситуации на базовом структурном уровне европейской системы, который сводится преимущественно к взаимодействию ведущих центров силы, и в рамках этого пространства непосредственно.

Во-первых, превращение Восточной Европы в поле конкуренции ведущих центров силы происходило в условиях сохранения и до некоторой степени углубления геополитически промежуточного положения этого пространства. Причём это положение обусловлено не только и не столько отсутствием институционально закреплённой принадлежности его стран к тому или иному центру силы, сколько отсутствием чётко определённых и согласованных «правил игры», то есть нормативных параметров и «пределов дозволенного» в поведении всех акторов в данном пространстве. Вне единой целостной «системы координат» каждое действие одного актора рассматривается сквозь

призму общего баланса и вызывает реакцию со стороны других акторов сообразно с их субъективными ожиданиями, а не понятными для всех нормами поведения.

Во-вторых, конкуренция за влияние в данном пространстве велась не открыто и напрямую, а имплицитно и в опосредствованных формах. Проблемные вопросы, относящиеся к этому полю, не были предметом систематических переговоров в рамках действующих институциональных или двусторонних форматов взаимодействия. Более того, не наблюдалось даже попыток выработать системный компромисс по этим вопросам. То, что происходило вокруг Восточной Европы в 2005-2008 гг., представляло собой скорее цепочку взаимного асимметричного реагирования европейских центров силы на односторонние действия друг друга, генерирующую своеобразную «спираль напряжённости», которая, тем не менее, не находила открытого признания в политической риторике сторон.

В-третьих, эта конкуренция носила неравномерный и избирательный характер. Она касалась ряда наиболее болезненных аспектов ситуации в Восточной Европе, а именно военно-политического и энергетического. Внимание было сконцентрировано на усилении стратегического присутствия США в этом пространстве, тогда как усиление присутствия ЕС не вызывало особых беспокойств. Вместе с тем, именно в данный период в тени российско-американской конфронтации были заложены предпосылки конкуренции между Россией и ЕС в Восточной Европе, которая хоть и отличается меньшей интенсивностью и резонансом, но, как выяснилось, имеет более весомое структурное значение для политической организации данного пространства.

Нужно признать, что эта конкуренция возникла не в результате целенаправленной стратегии сторон, а скорее явилась побочным продуктом реализации их разнонаправленной политики в условиях недостатка координации между ними. Становление упомянутых в начале статьи форматов политики ЕС в отношении восточных соседей – Европейской политики соседства и Восточного партнёрства – долгое время не рассматривалось Россией как угроза её стратегическим интересам, поскольку они не содержали перспективы членства восточноевропейских стран в Евросоюзе, но в виде этих форматов ЕС демонстрировал готовность взять на себя те функции, которые до этого выполняла только Россия, а именно структурирование и централизация данного пространства с помощью вовлечения его участников в

ограниченные интеграционные инициативы. И если Россия использовала для реализации подобных инициатив экономические и энергетические инструменты, то ЕС опирался на традиционную для него стратегию нормативной конвергенции, в основе которой лежали стимулы, ориентированные на цивилизационную принадлежность и европейскую идентичность стран-партнёров.

И в-четвёртых, конкурентная политика ведущих центров силы в отношении Восточной Европы не затрагивала глубинных источников конфликтности и флукуативности данного пространства. Скорее, противоречия на уровне США-Россия и частично ЕС-Россия «наложились» на сформированный в нём комплекс конфликтов разных уровней, но существенно его не изменили, поэтому не привели к желаемой стабилизации.

При этом в структуре общего политического баланса в Европе противоречия вокруг восточноевропейских проблем заняли скорее подчинённое, нежели определяющее место. Они весьма своеобразно вписались в существующий контекст, превратившись в его неотъемлемый компонент, но вместе с тем не стали его движущей силой. Это было вполне предсказуемо, поскольку противоречия России с Западом носят намного более системный характер, нежели конъюнктурная конкуренция в Восточной Европе, и касаются более глубоких, в чём-то даже экзистенциальных для обеих сторон вещей, которые мало зависят от их позиций в восточноевропейской конфигурации.

Но нельзя игнорировать тот факт, что вследствие перипетий указанного периода нахождение компромиссной формулы взаимодействия ведущих центров силы в Восточной Европе стало обязательным условием для формирования кооперативных основ системы отношений на континенте, в том числе построения новой архитектуры безопасности в Европе. Без преодоления сложившихся в этом пространстве очагов конфликтности выработать приемлемый *modus operandi* для всех акторов континентальной системы не представляется возможным.

Ход развития конкуренции между Россией, США и ЕС в Восточной Европе продемонстрировал неоптимальность конфронтационной логики и ошибочность ожиданий всех её участников. Государствам данного пространства так и не удалось воспользоваться нарастанием противоречий между ведущими центрами силы и переложить на них решение своих политических и экономических проблем. В результате эти государства были вынуждены самостоятельно противостоять последствиям глобального

финансового кризиса. Россия сумела предотвратить наиболее негативные для неё военно-политическое сценарии в данном пространстве, но не смогла ни достичь приемлемого компромисса со США и ЕС, ни предотвратить дальнейшего дистанцирования восточноевропейских государств. Для Запада тактика ограниченного вовлечения также оказалась контрпродуктивной, поскольку ни эффективной стабилизации, ни демократизации Восточной Европы осуществить не получилось.

Конечным итогом активной фазы этой конкуренции стал стратегический тупик. На определённом этапе «спираль напряжённости» дошла до такого витка, который для большинства игроков данного пространства считался неприемлемым, то есть до открытого вооружённого конфликта. Ответом на это был переход к политике «перезагрузки», в рамках которой напряжение вокруг восточноевропейских проблем несколько ослабло. Но подобное ослабление являлось следствием скорее негласной линии на «самосдерживание» основных игроков, нежели качественных изменений принципов их взаимодействия в этом пространстве. Достигнутые в предыдущие годы позиции основных игроков сохранялись, а вместе с ними сохранялся и довольно высокий уровень конфликтности, хоть и приглушённый общим настроением на конструктивное сотрудничество.

К тому же, устранив «верхний слой» этой конкуренции на уровне российско-американской стратегической конфронтации, «перезагрузка» вынесла на поверхность два других уровня структурной организации восточноевропейского пространства, не менее значимых для его стабилизации – во-первых, уровень интеграционной конкуренции между Россией и ЕС, а во-вторых, уровень взаимодействия России со странами данного пространства.

Структурирующее значение, которое приобрела политика Евросоюза для Восточной Европы за эти годы, нельзя сбрасывать со счетов, каким бы ограниченным оно ни казалось. Несмотря на всю критику, которой сопровождалось становление новых форматов политики ЕС в данном пространстве, Брюсселю так или иначе удалось сделать то, что не вышло у Москвы, – сформировать единые политические рамки, объединяющие все шесть стран Восточной Европы, несмотря на разрозненность их целей и подходов в отношениях с ЕС.

Другой вопрос, насколько эти рамки эффективны для выполнения поставленных задач по стабилизации и нормативной конвергенции восточных соседей. И в этом аспекте политика ЕС

существенно пробуксовывает ввиду, во-первых, её собственной структурной специфики, а во-вторых, особенностей её реализации. Евросоюз предлагает восточным партнёрам набор стимулов – общих функциональных инструментов сотрудничества или механизмов участия в интеграционных процессах, требующих соответствующей адаптации регуляторных и управленческих стандартов этих стран. С одной стороны, эти стимулы никак формально не соотносятся с политической ситуацией в данном пространстве и продвигаются как деполитизированные формы сближения, не учитывающие текущих геополитических последствий их воплощения, в первую очередь последствий в отношениях с Россией. Но с другой, самим фактом своего внедрения они означают сдвиг геополитического баланса, который не могут игнорировать ни российские правящие элиты, ни руководства соседних стран. Брюссель, в свою очередь, не предпринимает необходимых шагов для нейтрализации негативных эффектов от подобного геополитического сдвига: он не проявляет ни готовности взять на себя вытекающие из него риски и потери соседних стран, ни стремления дополнить оформление собственного присутствия в данном пространстве усилением механизмов координации с Россией. Как следствие, восточноевропейским странам приходится самостоятельно искать решения этих дилемм, для чего у них объективно не хватает ни влияния, ни ресурсов.

Политика России в этом контексте приобретает особое качество главной переменной, которая определяет степень устойчивости геополитического баланса в Восточной Европе. В условиях «перезагрузки» российское руководство предприняло ряд попыток ограничить конфликтный потенциал этого пространства в отношениях с западными партнёрами. С одной стороны, была выдвинута масштабная инициатива, направленная на выработку единых «правил игры» в сфере европейской безопасности при сохранении сложившегося статус-кво (Договор о европейской безопасности). С другой, предпринимаются усилия для создания механизмов координации политики России и Евросоюза в Восточной Европе (комитет Эштон – Лавров). И с третьей, происходит процесс реконструкции отношений с восточно-европейскими странами, толчок к которому дала смена власти на Украине.

Сложно сказать на нынешнем этапе, к чему приведут эти попытки. Но можно с уверенностью утверждать, что качественные изменения ситуации возможны только в случае одновременного

прогресса на обоих уровнях баланса в Восточной Европе – на уровне взаимодействия России с другими центрами силы и на уровне её отношений со странами данного пространства. В противном случае результаты будут частичными, неустойчивыми и неокончательными.

Нужно отметить, что применяя тактику одностороннего давления в отношении восточноевропейских стран, Россия попадает в ту же ловушку, что и в период 2001-2003 гг. и сводит свой диалог с этими странами к набору взаимных претензий и противоречий. Это несомненно является тупиковым путём развития отношений, который не только не позволяет достичь качественных изменений в геополитическом балансе в данном пространстве, но и серьёзно ослабляет позиции России, которая, в отличие от ЕС, не имеет в своём распоряжении механизмов политического структурирования или кооперативных проектов, ради продвижения которых местные элиты стран Восточной Европы готовы пойти на существенные политические уступки.

Подводя итог представленного анализа, следует подчеркнуть, что, оставаясь наиболее аморфным, наименее регулируемым и наиболее небезопасным пространством на континенте, Восточная Европа, тем не менее, выполняет и конструктивную функцию, стимулируя ведущие центры силы к поиску оптимальных вариантов организации этого пространства и оптимальных принципов взаимодействия в этом пространстве. Его стратегическая ценность для поддержания безопасности и стабильности как в западной части континента, так и в восточной, настолько высока, что допустить перехода к открытой конфронтации они не могут. Правда, факторов, которые бы делали дальнейшее сохранение нынешнего неустойчивого и конфликтного состояния этого пространства непереносимым, и побуждали бы его участников к радикальным изменениям сложившегося положения вещей, тоже не наблюдается.

Восточная Европа представляет собой сложный комплекс разноуровневых конфликтов и противоречий, который не вписывается ни в один навязанный извне проект – ни в американский проект продвижения демократии, ни в проект нормативной конвергенции Евросоюза, ни в российский проект постсоветской реинтеграции России. Нахождение приемлемого баланса в этом пространстве требует комплексных интегральных решений, осуществление которых непременно связано с ревизией действующих политических подходов, а также отказом от ряда

достигнутых позиций как со стороны ведущих центров силы, так и со стороны самих восточноевропейских стран. Сложность подобного пути наряду с негарантированностью окончательного результата заставляет всех игроков придерживаться традиционных подходов, которые, несмотря на их неоптимальность, дают возможность сохранить отдельные преимущества и закрепить достигнутые позиции. Поэтому текущее аморфное, конкурентное состояние пространства Восточной Европы, хоть и не устраивает многих его участников, но вполне может продлиться достаточно долгое время до тех пор, пока один из экстремумов – переход к конфронтации или к координации – не возобладает в их политическом мышлении над тактическими преимуществами, обеспечиваемыми этим состоянием.

Таким образом, можно сделать вывод, что противоречия между ведущими центрами силы в Восточной Европе не являются первичным структурным фактором для конфигурации европейской системы, а скорее выступают производными от базовых политических противоречий между ними, однако, разрешение последних требует нахождения оптимальных путей решения острых вопросов на восточноевропейском направлении. Исходя из этого, можно сказать, что в геополитической конфигурации европейской системы Восточная Европа играет роль промежуточного пространства, аморфность и флуктуативность которого создаёт поле для конкуренции за влияние, а взаимосвязи, сформированные в этом пространстве, дополняют существующую конфигурацию, но не определяют её.

Балканский Союз – альтернатива Союзу Европейскому?

Октавиан Раку

Балканское пространство принадлежит к ареалу фракийской цивилизации, о которой Геродот говорил, что если бы фракийцы не были разъединены, они стали бы самым сильным народом в мире. Кажется, что гораздо позже эта черта балканской идентичности сохранится в коллективном бессознательном народов, которые вопреки наплыву пришельцев, мигрирующих в эти места, будут продолжать сохранять черты своих предков.

Общей будет оставаться историческая судьба: римское завоевание, византийское политическое и духовное управление, а распад Османской Империи вызовет не без лицемерного вмешательства великих держав, начало войн за независимость и за передел границ. Балканы становятся известными в истории только в качестве «пороховой бочки» Европы.

Об объединении Балкан мечтали императоры Влахско-Болгарской Империи, румынские князья Стефан Великий, Петру Рареш, Михай Храбрый, и все же воплощению этого проекта мешал либо некоторый геополитический, либо неблагоприятный исторический контекст.

Солидарность балканских народов часто выражалась в борьбе за свободу. В 1185 г. румыны, жившие на юг от Дуная во главе с братьями Петру и Асаном восстали против Константинополя из-за роста налогов при императоре Исааке Втором. В результате этого восстания, поддержанного царем Сербии Стефаном Немани в 1188 г. Византия признала существование румыно-болгарского царства. Через год амбиции румын стали еще больше. Так, они предлагали сербам и германскому императору Фридриху Барбароссе захватить и поделить Византийскую Империю. По причине внутренних политических конфликтов этот проект так и не был реализован.

Имперская румынская идея возрождается во время правления Ионицы, который просит Рим признать за ним титул императора и поднятия своего епископства до ранга Патриархии, просьба, которая была отвергнута Папой Иннокентием III. Рим не мог признать более двух центром имперской власти на земле – Константинополь и Рим. Все же в ноябре 1204 г. прямо признан «королем валахов и болгар».

Балканская Федерация – провал коммунистов

Первая попытка создания единого балканского пространства имела место в начале XIX века, когда мощь турок на Балканах была уже чем-то из области истории. В 1865 г. эта идея была сформулирована левыми кругами Белграда, вдохновлявшимися федерализмом Сен-Симона, социализмом Карла Маркса и анархизмом Николая Бакунина. Они предлагали создать Восточную Демократическую Федерацию от Альп до Кипра. На этой базе в 1894 г. была сохдана Лига за Балканскую Конфедерацию, в которой участвовали румынские, сербские, болгарские и греческие социалисты.

Первая конференция балканских социал-демократов состоялась в Белграде между 25 и 27 декабря 1909 г., в рамках которой было предложено создать Федерацию Балканских Государств. В этой конференции участвовали представители социал-демократических партий из Румынии, Сербии, Болгарии, Греции, Турции, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении и Македонии. Во время этой встречи лидер сербских социал-демократов Димитрий Тукович заявил, что «объединение и взаимопомощь балканских народов – единственный путь к экономическому, национальному и политическому освобождению. Во время этой же конференции была принята резолюция, в которой подчеркивалось, что балканская проблема может быть разрешена только через «объединение всех народов, которые живут на этой территории, ликвидацию всех границ, созданных искусственным путем, и гарантию взаимного сотрудничества в обороне от внешних опасностей». После этого, все партии социал-демократической и социалистической ориентации включили в свои программы в качестве цели создание Балканской Федерации.

В 1915 г. после прошедшей в Бухаресте конференции было решено создать Революционную Балканскую Трудовую Социал-Демократическую Федерацию, которую возглавил Кристиан Раковский, а среди ее членов были Георгий Димитров и Василь Коларов – известные лидеры болгарских коммунистов.

После большевистской революции в Петрограде в 1917 г. была создана Балканская Коммунистическая Федерация, которая предложила объединить под эгидой Москвы Болгарию, Югославию, Грецию и Турцию. Принятие Румынии в этот проект, обустлавлялось расчленением румынского государства, чтобы исключить любой риск румынской доминации на Балканах. В дальнейшем, эта организация была распущена в 1939 г.

9 февраля 1934 г. в Афинах представители Румынии, Югославии, Турции и Греции подписали Пакт Балканской Антанты, в котором стороны обязывались содействовать безопасности региона. Замысленная как политический, военный и экономический союз, Балканская Антанта даже если и не охватывала все государства полуострова, конкретизировала естественные и традиционные устремления дружбы и сотрудничества между балканскими народами во множестве областей и продвигала цели сближения и понимания между подписантами и неподписантами. К сожалению, Болгария отказалась присоединиться к пакту.

Последняя попытка имела место после Второй мировой войны, когда лидер коммунистов Югославии, Иосип Броз Тито и лидер болгарских коммунистов Георгий Димитров начали переговоры о слиянии этих государств в Федерацию Балканских Государств. Болгарская сторона показала свою предрасположенность к некоторым уступкам, признав этническую и лингвистическую идентичность македонского меньшинства. Это было одним из условий подписания соглашения в Бледе между Софией и Белградом 1 августа 1947 г., который предусматривал помимо всего прочего разрешение некоторых территориальных проблем, снятие визового режима и создание таможенного союза. Все же из-за дипломатических конфликтов между Югославией и СССР Болгария была вынуждена играть на руку Москвы, выбрав позицию противника Белграда. Кремль боялся роста влияния Югославии на Балканах, а югославский лидер был раздражен попытками Советского Союза контролировать государства Юго-Восточной Европы.

Европейский Союз – провалившийся проект интеграции балканского пространства

После череды кровопролитных войн, которые привели к распаду Югославии, сегодня европейская интеграция рассматривается в качестве единственного средства решения проблемы объединения народов этого региона. Греция, Румыния и Болгария уже являются членами ЕС, тогда как государства бывшей Югославии: Сербия, Босния и Герцеговина, Хорватия и Черногория претендуют на статус членов Союза. И все же перспективы подобного проекта стоят под вопросом из-за финансового кризиса в Европе, а также по причине внутренних конфликтов в ЕС. Знаменитый американский ученый и преподаватель Джоел Коткин в статье, опубликованной в «Ньюсвик», утверждает,

что в ближайшем будущем «племенные связи» (включающие расу, этнос и религию) станут гораздо более важными, чем политические границы. Более общие концепции – а именно зеленая идеология, социализм или рыночный капитализм могут воодушевить космополитические элиты, но в целом они никак не мотивируют людей. В свою очередь «племя» ценится гораздо выше, чем любая универсалистская идеология», подчеркивает автор, добавляя, что «хотя племенные связи так же стары как и история, политические изменения и глобализация усиливают их воздействие».

Таким образом, регионализация Европы и борьба «пограничных государств» за свою автономию против «конкурирующих зон влияния», как и попытки Франции и Германии утвердить порядок на континенте, будет определять в ближайшее время обращение к альтернативным геополитическим проектам. Тем более, что ни Европейский Союз, ни НАТО больше не в состоянии гарантировать безопасность стран бывшего социалистического лагеря, более того, Сербия и Румыния выразили недовольство политикой Вашингтона и Брюсселя в отношении проблемы сербской провинции Косово, которая продолжает оставаться большой раной на теле Балкан.

Балканский Союз – альтернативный проект

Новый геополитический контекст (ось Париж-Берлин-Москва, впечатляющий рост Китая, создание исламского блока Турция-Сирия-Иран), как и мировой финансовый кризис утверждают необходимость возвращения к обсуждению перспектив объединения пространства Балкан

Юго-Восточная Европа приобретает и еще большую важность, становясь единственным источником импорта энергетических ресурсов в Европейский Союз. Прежде всего речь идет о российско-итальянском проекте „Southstream” и «Набукко», продвигаемом США и ЕС. Через Балканский полуостров проходят главные транспортные артерии, связывающие Западную Европу с Малой Азией и Ближним Востоком. Одним словом, Балканы представляют собой связующее звено между регионами индустриальных государств и евразийскими регионами, обладающими важными минеральными ресурсами.

Сила Византии в прошлом вытекала из того, что она господствовала над путями коммуникаций, шедшими из Восточной и Центральной Европы, Азии и Восточной Африки. Это положение

может быть благоприятно использовано Балканским Союзом.

В терминах геополитики, балканская зона представляет собой Римланд, прибрежный регион, который взаимодействует как с морской силой, так и с сухопутной, регион, контроль над которым обеспечивает господство над Хартлендом (геополитическим центром). С этой точки зрения, Балканы представляют собой зону повышенного интереса для России, Турции, Ирана и Китая, что открывает ряд перспектив заключения союзов.

В 2010 г. Китай уже начал экономическое наступление на полуостров, предоставив Сербии грант в размере 1 миллиарда евро на строительство двух электростанций и моста через Дунай. Перспективные соглашения заключены между китайскими компаниями и Македонией, Словенией и Грецией. Китайские деньги двигают балканские государства, хотя методом, отличным от западных международных финансовых организаций, Пекин не ставит экономических и политических условий, в свою очередь уменьшая влияние Европейского Союза и США в регионе, что на руку и балканским государствам.

Идеологический фундамент: консерватизм, традиционализм и православие

Коммунизм как идеология был не в состоянии создать необходимую основу для сближения балканских народов. Их объединение невозможно иначе как через сохранение идентичности и уважение ценностей каждой нации. Исходя из этих соображений, Балканский Союз можно построить только отталкиваясь от консервативных и традиционалистских ценностей, принимая во внимание и единство в лоне Православной Церкви. Для этой цели многому поможет общее византийское наследие, на почве которой выросли балканские нации, в противовес ценностям Европейского Союза, восходящим к просветительским принципам французской революции 1789 г.

Как христианский Константинополь был антиподом языческого Рима, так и Балканский Союз может стать антиподом Европейского Союза. Вокруг подобных идей можно будет найти Республику Молдову, Румынию, Болгарию, Сербию, Македонию и Черногорию. Балканы стали бы не только простым оборонительным геополитическим проектом, но и наступательным идеологическим проектом. Если в прошлом в центре подобного проекта пыталась себя позиционировать Сербия, пришел момент, в котором Румыния и Республика Молдова могли бы осуществить

свою историческую миссию по возведению этого строения. Реализация этого проекта не может осуществиться иначе как через смену парадигм внутри государств, которые станут членами Балканского Союза. Евробалканский вектор мог бы стать платформой новых политических движений, которые представляют настоящую альтернативу силам, представляющим себя в качестве продвигающих европейскую интеграцию или «коммунистическую ностальгию». Новый вектор уменьшил бы популистские меседжи и перевел бы в повестку дня проблемы, касающиеся национальных интересов государств региона, что будет означать новую революцию в обществах вышедших два десятилетия назад из коммунизма, конец кризиса идентичности и так называемого «переходного периода».

Глобализация и Европейский союз

Эрик Гермушка

В своём докладе я хочу сосредоточить своё внимание на будущем Европейского союза в связи с геополитическими событиями в европейском пространстве с момента окончания "холодной войны", после "бархатной" революции в бывшей Чехословакии, которая оказалась де-факто первым шагом к евроинтеграции Словакии. С точки зрения геополитики, Европа проживает глобальный экономический кризис, который показывает нам на кризис не только в экономической сфере, но и в сфере интеграции. Интеграционный фактор связан не только с принятием новых членов а также и уже интегрированных членов ЕС с государствами "старой" Европы. Очень важной является и интеграция инокультурных мигрантов внутри наиболее развитых стран, которые в основном являются не адаптивными.

Прежде всего я хотел бы представить путь Словакии к Европейскому Союзу. Словацкая Республика возникла 1 января 1993 года. В это время все правительства пост-коммунистических стран Вышеградской четвёрки (V4) имели совместную задачу - вступление в Европейский Союз. Первым премьер-министром правительства Словакии стал Владимир Мечиар, который был одним из инициаторов создания Словацкой Республики. Его правление приходится на период с 1992 по 1998 гг. Это был период, характеризующийся переходом от централизованного планового хозяйства к открытой рыночной экономике. Указанный период обозначается как период "дикой" приватизации. Стремление Владимира Мечиара было направлено на создание внутренней экономической элиты, которая сможет полноценно конкурировать с иностранным капиталом. Это означало, что в процессе приватизации было дано преимущество отечественным предпринимателям перед иностранными. Внешняя политика была направлена не только на экономическое сотрудничество с Европейским союзом, но и в какой-то степени на Россию. Усилия основателя второй независимой Словацкой Республики оказались не очень успешными. Благодаря такой политике Владимир Мечиар воспринимался за рубежом как авторитарный лидер, а Словакия считалась недемократическим государством. В это

время госсекретарь Соединенных Штатов Медлин Олбрайт назвала Словакию "черной дырой" Европы. В том же смысле относился к нам и Европейский союз. Перед парламентскими выборами в 1998 г. в Словакии начался процесс, который Сергей Хелемендик - русский писатель, журналист и бывший член Национального совета Словакии назвал «Цветной революцией». После выборов в 1998 г. благодаря поддержке Запада к власти пришел Микулаш Дзуринда, который, грубо говоря, продал все стратегические промышленные отрасли западным корпорациям, в том числе нефтянную и газовую промышленность, электрическую систему и также традиционно сильную металлургическую промышленность. После этого мы стали в глазах Запада наиболее демократической страной Европы.

События в Словакии были и продолжают быть результатом более широкого контекста нового мирового порядка. В связи с этим, очевидно, что после окончания "холодной войны" Евразия стала новой ареной соперничества. Возникает вопрос, «холодная» война завершилась или продолжается дальше, но в другом виде? Экономически слабый преемник Советского Союза - Россия - в течении 1990-х гг. постепенно потеряла свою власть и была вынуждена покинуть свои бывшие территории в Центральной и Восточной Европе. Отступление одного центра силы означало наступление другого. Соединенные Штаты постепенно начали интегрировать новые независимые государства в трансатланти-

ческие структуры, несмотря на гарантию американского президента Джорджа Буша-старшего, что НАТО не будет выходить за пределы тогдашней Западной Германии. Этот факт отметил бывший президент России Владимир Путин в 2007 г. на конференции по глобальной безопасности в Мюнхене, когда он прямо спросил западных лидеров: "Где эти гарантии?".

В следующей части статьи я бы хотел указать на недостатки и рамки, которые ограничивают существование Европейского союза в результате глобализации. Это отсутствие собственной структуры безопасности Европы, многокультурные и многоэтнические явления, которые ослабляют Европейский Союз и трясут его в самых основах. Европейский Союз является главным партнером США в экономической сфере, а также стратегическим партнёром в области безопасности. Эта зависимость укрепляет роль США в Европе сначала как защитника своих, а затем и остальных европейских интересов. На мой взгляд, основным недостатком Европейского союза является то, что ЕС не обладает независимой структурой безопасности, которая была бы приемлема как для новых государств-членов, так и для всех остальных стран Европы, в которых поднялась волна несогласия, особенно после бомбардировки Югославии войсками НАТО. Например, в Словакии не было референдума по вопросу вступления в НАТО, потому что оно было бы с высокой степенью вероятности отклонено, и таким образом было бы сорвано и наше членство в Европейском Союзе. НАТО крайне непопулярно в странах бывшего Восточного блока и поддерживается "сверху". Создание собственной системы безопасности в сотрудничестве с Россией является только словесной декларацией или, скорее, игрой в глазах зрителя, потому что сам ЕС не проявил серьезного интереса в области её создания.

Другим и гораздо более опасным препятствием для функционирования и будущего Европейского Союза является миграция и с ней связанные мультикультурность и многоэтничность, что создает синергетический эффект опасности, угрожающий Евро-союзу снизу. Инокультурные массы могут стать неуправляемыми, как мы видели, например, во Франции в 2005 г. В связи с этим, на мой взгляд очень интересная оценка извне.

В книге "Третья Империя – Россия" бывший депутат Государственной Думы Михаил Юрьев дает свое представление о работе и возможном будущем Европейского Союза. В своей книге Юрьев говорит, что в будущем останутся только четыре

государства мира (цивилизации) - Русская цивилизация, Америка, Китай и Халифат. Следующее его спорное убеждение состоит в том, что Россия, метафорически говоря, завоеует Европу до 2020 г., а если нет, то примерно за 30 лет придется всем женщинам ходить по улицам в хиджабе, а это де-факто завоевание. Юрьев говорит о Европе как об умирающей цивилизации, жизненный тонус которой близок к нулю. Причина в том, что европейцы отказались от любой самоидентификации (религиозной, национальной). И это знак надвигающейся смерти, поэтому Европа будет завоевана. По моему мнению, иммиграционная политика Европейского союза действует как приманка для мигрантов и беженцев, которые могут наслаждаться полной «горстью» свобод и прав, когда коренное население оказывается угнетенным. Это приводит к росту националистических настроений в Европе, которая допустила массовое перемешивание этнических групп, де-факто работая на свой раскол. Искусственность существования Европейского союза усиливается тем фактом, что нет общей европейской идеи, объединявшей Европу. Использование средств из фондов ЕС, на самом деле, очень слабый аргумент, и во время мирового экономического кризиса это временный "клей" Европы. Юрьев приводит и тот факт, что человек или государство священного характера, с идеей, способно бороться и приносить жертвы за свое существование. С другой стороны, за демократию и деньги, никто с радостью умирать не будет. Михаил Юрьев также в этом смысле критически говорит о России.

Подобные волны иммиграции и вышеупомянутые эффекты, также оказывают влияние и на Россию, как один из центров силы в этом мире. Очень интересная концепция развития "Русского мира", представлена Максимом Калашниковым в своей книге «Крещение огнем. Вьюга в пустыне». В ней рассматривается нынешняя роль России в мировой политике, особенно отношения к своим бывшим союзным республикам. В настоящее время в России есть подобные проблемы, как и в Европе, то есть, проблемы миграции рабочей силы и низкой рождаемости. Калашников не скрывает, что он сторонник существования Советского Союза, но критикует внутреннюю политику центра в отношении к странам Центральной Азии, население которых в период Советского Союза массивно увеличилось на основе благоприятных жизненных условий. В СССР в течение нескольких десятилетий славянские народы могли бы оказаться в меньшинстве. Калашников даже утверждает, что распад Советского Союза лишил Россию большой проблемы с Средней Азией, но

ее нужно было решать, а не просто отказаться от нее. Решение Калашников считает в сосуществовании двух миров в одной империи. Первый Славянский мир - это мир футуристический и технократический. Второй мир - традиционный мир - Восточный.

В этом царстве человек может выбрать как и где он хочет жить. Два мира могли бы работать и жить по принципу симбиоза, на собственных принципах и без стремления вмешиваться в правила жизни друг друга.

В этих теориях отражены аналогичные процессы перемешивания этнических групп в мировых центрах силы, не исключая и Соединенные Штаты, где этнический состав населения быстро меняется, что согласно Бжезинскому может привести к "балканизации" Соединенных Штатов. Я хотел бы отметить, что Европейский союз стремится постепенно к тому же результату (балканизации Европы).

Вопрос об экономической интеграции связанной с внутренней политикой Европейского союза очень красноречиво выразил Михаил Делягин, который этот процесс назвал «колониальной» моделью евроинтеграции. В этой модели экономической политики необходимо наличие коррумпированной элиты, которая охотно откажется от защиты национальных интересов в обмен на поддержку со стороны подкупателя. Исключением не является Словакия, которая уже не обладает контролем над стратегическими секторами экономики и банковской сферой (такая же обстановка и в остальных посткоммунистических государствах ЕС). Согласно Делягину расширение евроинтеграции является необходимым для поддержания экономического роста. Экономика Европейского союза основана на торговых обменах в рамках Союза, а не для экспорта за пределы ЕС. Таким образом, создалась колониальная модель между центром и периферией, которая зависит от экономического успеха центра, а страны периферии не имеют возможности взаимодействовать с иностранными партнерами, такими как Россия. В этой связи снова вернемся к примеру Словакии с 1998 г. и к первой так называемой цветной революции. Россию тогда представляли как зло, с которым не должно поддерживать никаких контактов. После 1998 г. этот взгляд был полностью воплощен на практике и наши деловые контакты сузились только к импорту энергоресурсов. Так как высокотехнологическое производство новых членов ЕС, как правило, было на внутреннем рынке ЕС неконкурентоспособным, их европейская ориентация способствовала деиндустриализации этих стран. "Гиперконкуренция" европейских компаний привела к массовой безработице,

деквалификации рабочей силы и перемещению населения в секторы с высокой степенью эксплуатации (мелочная лавка, мелкий бизнес и сельское хозяйство), а также к миграции в развитые страны ЕС. Кроме того, чрезмерная "фрагментация" бизнеса объективно снижает национальную конкурентоспособность. Государства бывшего «остблока» стали сборочными развитых западных корпораций. В этом контексте поднимается вопрос, имеем ли мы в настоящее время больше свободы и демократии, чем в предыдущий период?

Наконец, я бы хотел выделить проблемы, до которых человечество "срывается" по объективным и субъективным причинам. Андрей Фурсов (историк, социолог, публицист) говорит о кризисе кризисов, который нас ждёт в будущем. Фурсов характеризовал 4 кризиса человечества.

1. Кризис верхнего палеолита - переход от охоты к сельскому хозяйству. Кризис характеризуется отсутствием ресурсов для выживания, демографический кризис - сокращение численности населения на 75%.
2. Падение Римской империи характеризуется падением продуктивности тогдашней экономики, демографическим спадом, деградацией правящего слоя, который не смог создать новый порядок и, следовательно, перестал существовать. Римская империя была разрушена варварскими ордами, которые сначала взрастил сам Рим на своих границах.
3. Падение Константинополя (1453 г.) - конец 30-летней войны (1648 г.). Кризис конца феодализма. 90% семей которые имели власть, её сохранили и в новом порядке обеспечили прогресс для себя, а регресс для широких масс. Во время эпидемий погибло около 20 миллионов человек в Европе.
4. Кризис кризисов - эффект домино. Этот кризис будет иметь все знаки предыдущих кризисов, переполненная планета, экологические проблемы, дефицит ресурсов, особенно воды. Фурсов говорит, что новая цивилизация будет отличаться от современной цивилизации так, как современная отличается от цивилизации палеолита.

Самой большой опасностью для Европейского Союза, на мой взгляд, является аналогия с Римской империей, которая была разрушена чужим элементом. Единственным критерием нашего общества является экономическое процветание любой ценой. Такой капитализм в его жесткой форме, - это опасность не только для Европы, но и остального мира, поскольку к обеспечению

роскошных потребностей нужно все больше ресурсов, энергии, за которые борются центры силы (о чем свидетельствует ситуация в Афганистане Ираке, цветные революции).

Рационализация капиталистической системы, которая основана на необходимости постоянного расширения потребления и следовательно, доходов, будет очень сложным и трудным процессом. По крайней мере, возможна-ли еще какая-то рационализация. Не стоит говорить о культурном перемешивании населения Европы, где коренные народы часто являются дискриминируемыми и по этом поводу поднимаются националистические тенденции, которые за несколько лет могут стать не управляемыми. Глобализация не приводит к уменьшению народного самосознания, а наоборот – к его усилению. Это серьезная причина будущих потенциальных конфликтов. Европейский Союз стремится к централизации своей власти и государствам остается все меньше и меньше пространства для осуществления своей собственной политики. Это противоречит тому, чего хочет население ЕС. Чьи интересы таким образом представляет Европейский Союз? Президент Чехии Вацлав Клаус сравнил ЕС с бывшим СССР. У меня серьезные опасения, что Европейский союз уже превысил уровень Советского Союза. Это сравнение конечно не идеальное, поскольку СССР создал возможность всем своим союзникам сохранить свое национальное богатство в своих «руках». В связи с глобальным кризисом, вполне логично, что "петля" ЕС будет продолжать затягиваться, о чем свидетельствуют недавние события в Греции и усилия по созданию централизованного управления стран ЕС и их фискальной политики. Степень отчуждения власти от населения в любой стране в истории не была такой большой, как в настоящее время в ЕС. Это вместо того, чтобы спросить: Какое будущее Евросоюза, если мы посмотрим на него через его собственные недостатки?

Список литературы:

1. http://chelemendik.sk/Kolonialny_model_eurointegracie_62085677.html
2. Бжезинский, З.: Нет проверки. Прага, 1993, р. 105-108.
3. Калашников, М.: Крещение огнем. Вьюга в пустыне. М., 2008.
4. Примаков, Е.: Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М., 2009.

Белорусы и проблема «родного языка»

Шимов В.В.

Данные республиканской переписи населения 2009 г. выявили любопытные тенденции в динамике русско-белорусского языкового баланса в среде этнических белорусов. За период, прошедший с предыдущей переписи (1999 г.) этот баланс существенно сместился в сторону русского языка. Во-первых, заметно сократилось число белорусов, определяющих белорусский язык как родной: в 1999 г. белорусский назвали родным 85,6 % людей, идентифицирующих себя как белорусы, в 2009 г. – только 60,8%. Особенностью языковой ситуации в Беларуси как в 1999 г., так и в 2009 г. был значительный разрыв между числом людей, заявляющих белорусский язык как родной и реально использующих его в повседневном бытовом обиходе (прежде всего, в кругу семьи). Так, в 1999 г. заявили, что разговаривают дома по-белорусски 41,3 % белорусов (по-русски – 58,6 %). К 2009 г. доля разговаривающих дома по-белорусски упала до 26 %; доля использующих русский язык возросла до 69,7 %¹⁻³.

	1999 г. (%)	2009 г. (%)
Белорусский как родной	85,6	60,8
Русский как родной	???	37
Белорусский как разговорный дома	41,3	26
Русский как разговорный дома	58,6	69,7

Таким образом, зафиксировано значительное сокращение численности людей, не только номинально идентифицирующих белорусский как родной, но и практикующих белорусскоязычие в быту. Сокращение доли людей, называющих белорусский язык родным, представляется вполне объяснимым и свидетельствует о крайне неустойчивых и поверхностных представлениях о самом понятии «родного языка». В 1999 г., очевидно, еще сказывались последствия периода «белорусизации» начала 1990-х гг., когда государственная политика была ориентирована на формирование установки, что родным языком белоруса может быть только белорусский.

Снятие идеологического пресса государства в языковом вопросе привело к тому, что к 2009 г. многие русскоязычные белорусы предпочли в качестве родного указать реальный язык повседневного обихода, т.е. русский.

А вот резкое сокращение (с 41 до 26 %) доли бытового употребления белорусского языка вызывает вопросы. Как представляется, 10 лет – недостаточный срок, чтобы привести к столь существенным сдвигам в языковой практике, особенно на уровне домашнего обихода. Отчасти это может быть объяснено естественной убылью старшего поколения сельских жителей, преимущественно использовавших разговорный белорусский язык. Однако здесь, как представляется, наблюдается не только изменение реальной языковой практики, но и сдвиг в восприятии языка. Важным языковым сегментом в Беларуси является «трасянка» - сельское и отчасти городское (преимущественно среди людей рабочих специальностей) просторечие, возникшее в результате интерференции русского и белорусского языков.

Переписи это явление не отражают, поскольку носители «трасянки» предпочитают относить ее либо к русскому, либо к белорусскому языку. Как представляется, значительная доля респондентов, заявивших в 1999 г., что общаются дома на белорусском, имели в виду именно «трасянку»; к 2009 г. многие из них уже заявили, что общаются дома на русском, понимая под этим все ту же «трасянку». Причины этого сдвига описаны нами выше: инерция «белорусизаторских» установок в 1999 г. обуславливала определение «трасянки» как белорусского языка; к 2009 г. ослабление «идеологического эха» белорусизации и высокий престиж русского языка побуждали идентифицировать «трасянку» уже в качестве этого последнего.

В целом, налицо тенденция, когда понятие «родного языка» все больше ассоциируется с реальным языком повседневного бытового общения, а не с «титulyным» языком национальности. Формула «белорусский язык – родной язык белорусов» перестает быть актуальной: многие русскоязычные белорусы, с раннего детства использующие русский язык в качестве основного средства общения, именно его, а не «титulyный» белорусский, указывают в качестве родного. Если эта тенденция сохранится, следующая перепись может обнаружить еще большее количество белорусов, называющих русский язык своим родным.

В связи с этим требует серьезного пересмотра сам концепт «национального»/«титulyного» языка в отношении белорусов.

Несмотря на официально установленное в стране двуязычие, в качестве такового рассматривается только белорусский язык, в то время как государственный статус русского языка обосновывается соображениями «прагматичного» характера: это язык международного общения, один из шести языков ООН, а также один из ведущих языков мировой науки.

Однако в условиях, когда значительная часть белорусов даже на декларативном уровне отказывается идентифицировать себя с белорусским языком, его монополия на статус «национального» оказывается под вопросом. Также требуют детального изучения причины сложившейся ситуации.

Национальный язык как продукт «воображения»

Б. Андерсон определил нацию как «воображаемое сообщество», существующее как продукт коллективного «воображения» своих членов. Любая нация, даже численно относительно небольшая, является неконтактной социальной группой, большинство участников которой лично не знают и никогда не узнают друг друга. Поэтому такое сообщество может существовать только как воображаемое, т.е. посредством воспроизводства образов, представляющих данное сообщество как внутренне интегрированную целостность – нацию. Эти образы могут быть самые разнообразные – представления об общности происхождения и истории, государственная символика, географические карты, обозначающие национальную территорию, некие неформальные символы (например, неформальные символы Беларуси – аист или зубр) и т.п.

Важным элементом этого образного ряда является национальный язык. Следует отметить, что большинство национальных движений Европы носили именно языковой характер. Этим Европа отличается, например, от Америки (как Северной, так и Южной), где формирование наций происходило на основе гражданского противостояния колоний и метрополий, говоривших на одном языке (английском, французском, испанском или португальском). В Европе, где на малом пространстве сконцентрировано большое разнообразие этнических групп, язык закономерно становился символом национальной личности⁴.

Говоря о нации как о продукте «воображения», то же самое можно утверждать и в отношении национального языка. Очевидно, следует различать язык как живую речь, средство непосредственной коммуникации между конкретными людьми, и образ языка как атрибут того или иного национального сообщества.

Национальный язык не является некой объективной реальностью – он является продуктом концептуальной обработки этой реальности. Действительно, в ряде случаев оказывается достаточно сложным провести границы между близкородственными наречиями и диалектами, а также обосновать либо принадлежность тех или иных наречий к одному языку, либо их лингвистическую обособленность. Кроме того, нередко национальным активистам приходится противостоять тенденциям языковой ассимиляции, когда население, язык которого по тем или иным причинам оказался социально непрестижным, постепенно переходит на более «престижный» язык. Во всех этих случаях речь идет о создании образа языка, который служит для национальной консолидации и мобилизации, а также для обособления от соседних, зачастую близкородственных, этнических групп.

«Языковой фетишизм», характерный для большинства европейских национализмов, является достаточно новым феноменом, возникшим вместе с самим национализмом, т.е. не раньше XVII-XVIII вв. Собственно, и о феномене «национального языка» мы можем более или менее уверенно говорить только с этого времени. «Национальный язык» представляет собой универсальное средство коммуникации на всех уровнях социальной структуры в рамках данного национального сообщества, т.е. он выполняет функцию его внутренней интеграции. Вместе с тем – по крайней мере, это верно для Европы – «национальный язык» обособляет данное национальное сообщество от соседних национальных сообществ, использующих свои «национальные языки», ставит между этими сообществами культурно-информационный барьер.

Подобная языковая структура, возникающая в Новое время, разительно отличается от того, что наблюдалось в Европе в Средние века. Для этого периода характерна жесткая социальная стратификация языков. Живые разговорные наречия имеют социально непрестижный статус, характеризуются слабой литературной и художественной обработкой (на их основе существуют лишь «низкие» жанры), практически не используются в законодательстве. С другой стороны, существует универсальный «высокий» язык, единый для всей Европы и, таким образом, находящийся вне каких-либо этнических границ, – это латынь. Латынь – язык мертвый и поэтому доступный только высшим, образованным слоям общества.

Престижность латыни обуславливалась культурным наследием Римской империи, на руинах которой возникла западноевро-

пейская цивилизация. В рамках Империи латынь была универсальным средством коммуникации, языком высокой культуры, литературы, философии и науки и жестко противопоставлялась прочим языкам и наречиям как варварским и непрестижным.

Подобный подход переключался и в средневековую Европу, где идея возрождения Римской империи оставалась одной из идеологических доминант: на роль наследников Рима претендовали и светские феодалы, провозгласившие Священную Римскую империю германской нации, и римские папы, мечтавшие соединить в своем лице как светскую, так и духовную власть над Европой.

Ослабление «римской» идеи и формирование нового национально-культурного ландшафта Европы связано с развитием городов и выходом на политическую арену городского сословия. Городское сословие, не будучи по своему происхождению «благородным», борется с наследственными правами и привилегиями феодальной аристократии и церкви – основных носителей «римской» традиции. Не будучи связанным с «римской» идеей и не стремясь «присвоить» имперское наследие Рима, городское сословие формирует новый тип культуры на основе живых разговорных языков, которые, достигнув в эпоху Возрождения высокого уровня литературной обработки, стремительно вытесняют мертвую латынь. Дробление единого гуманитарного пространства на базе латыни ведет к затуханию имперской «римской» идеи. На смену концепции универсальной панъевропейской империи приходит идея нации – более узкого в сравнении с империей сообщества людей, объединенных общностью языка, культуры и гражданских интересов.

Важным представляется замечание О.Б. Неменского, что национализм является феноменом принципиально городским⁵. Именно в городах создаются национальные язык и культура, которые впоследствии распространяются на все население, включаемое в то или иное «воображаемое сообщество». Важную роль сыграли города в формировании европейских национальных языков. Формируясь на основе живых разговорных наречий, национальные языки превращались в унифицированные наддиалектные койне, призванные преодолеть племенное и диалектное разнообразие и, таким образом, сплотить национальное сообщество. Именно интенсивным межгородским связям обязаны возникновением наддиалектные итальянский и немецкий языки, интегрировавшие пестрые диалектные континуумы в единые информационно-языковые пространства.

С другой стороны, политическая конкуренция двух и более точек «национально-языкового роста» могла вести к разделению диалектного континуума между несколькими национальными языками. Так, формирование двух конкурирующих политических центров на Пиренейском полуострове привело к появлению на близкородственной диалектной основе двух языков: испанского и португальского. Разделилась и нижненемецкая диалектная зона: часть ее вошла в немецкое языковое пространство на базе верхне-немецкого литературного стандарта, другая образовала самостоятельное языковое пространство в рамках Нидерландов.

Специфика национального генезиса в Беларуси

Беларусь является страной с давними традициями городской культуры, однако первоначальное становление городской культуры здесь происходило в этнокультурном контексте, выходящем далеко за пределы современной территории Беларуси. Культура белорусских городов изначально формировалась как часть культуры древнерусской. Древняя Русь представляла собой этнополитическое пространство, по своим сущностным характеристикам заметно отличавшееся от современной ей средневековой Европы. Наиболее очевидным отличием было то, что если средневековая европейская культура находилась под сильным влиянием культурного наследия Западной Римской империи, включая латинскую языковую традицию, то Русь, приняв православие, оказалась в сфере влияния «греческого» культурного влияния, идущего из Византии (неслучайно и православие нередко позиционировалось как «греческая вера»). В то же время, греческий язык на Руси не занял то доминирующее положение, которое занимала в Западной Европе латынь.

Напротив, здесь очень рано начала развиваться самостоятельная культурная традиция на местной языковой основе, что, очевидно, связано с тем, что в качестве языка церкви использовался не греческий, а специально разработанный для славян литургический язык – церковнославянский. Таким образом, Древняя Русь очень рано обозначилась как особое этнополитическое пространство, противопоставлявшее себя Западной Европе (по конфессиональному признаку, как «греки» «литинянам»), Византии (по признаку этноязыковому – как «славяне» «грекам») и кочевым племенам Евразии (как часть цивилизованного христианского мира – варварам-язычникам). Формирование, пусть и достаточно рыхлого, династического государства Рюриковичей,

центрированного на Киев, единые церковные институты – все это способствовало становлению достаточно однородной городской культуры, выработке единого древнерусского письменного языка и становлению «общерусского» этнополитического самосознания образованного городского класса.

Таким образом, закладывались существенные предпосылки для интеграции восточных славян, включая предков белорусов, в единую национальную общность – русскую.

Монголо-татарское нашествие привело к дезинтеграции древнерусского пространства и включению отдельных частей Руси в разные политико-культурные контексты. Но и после этого представления о Руси как об общности восточных славян, существующей «поверх» актуальных государственных границ, сохраняли высокую устойчивость. Характерно, что представление о Руси как едином этнокультурном пространстве, политически разделенном между Литвой, Польшей и Московией, находили отражение и у иностранцев, бывавших в регионе (эту тему детально исследовал российский историк А. Мьльников⁶). Этними «Русь», «русский», «русин», идентификация языка как «русского» оставались доминирующими у образованного восточнославянского населения Великого княжества Литовского (в систематизированном виде эти свидетельства были в начале XX в. собраны Е.Ф. Карским⁷). Осознание восточнославянским населением ВКЛ своей культурно-исторической преемственности Киевской Руси признает и современная белорусская историография⁸.

Таким образом, представления о Руси как о некоей этнополитической целостности, объединяющей восточных славян, демонстрировали высокую устойчивость, что создавало предпосылки для формирования национальных проектов, призванных консолидировать восточных славян в единое «воображаемое сообщество» - большой русский народ.

С другой стороны, политическое разделение Руси после монголо-татарского нашествия существенно осложнило и затормозило процесс национальной консолидации восточных славян и, кроме того, заложило предпосылки для возможной дезинтеграции «общерусского» пространства. В XIII-XIV вв. оформляется разделение Руси на две части – восточную и западную. Восточная Русь оказывается в зависимости от Орды, западная попадает в сферу влияния Литвы и Польши. Этот период совпадает с кризисом и упадком православной цивилизации, вызванным геополитическими факторами.

литической катастрофой Византии. Восточная и Западная Русь ответили на этот кризис неодинаково.

Восточная Русь создала «под крылом» Орды мощное централизованное Московское государство и, освободившись от ордынской зависимости, удачно использовала упадок Византии, провозгласив себя наследницей последней – «Третьим Римом». Таким образом, «русская идея» обрела не присущий ей ранее имперский размах и притязания на «вселенскую» цивилизационную миссию, связанную с охранением и распространением «истинной веры» - православия.

При этом в культурном отношении Московское государство, оказавшееся в относительной изоляции, пережило длительный культурный застой, который удалось преодолеть в послепетровский период посредством синтеза местных традиций с европейской культурой.

Западная Русь (будущие Беларусь и Украина) не создала собственной государственности, оказавшись инкорпорированной в «чужие» государственные структуры. Так, территория Беларуси оказалась «спяянной» с Литвой при политическом лидерстве последней; большая часть украинских земель также пребывала под литовским владычеством вплоть до Люблинской унии, после которой эти земли оказались под непосредственным управлением Польской короны. Политическое подчинение «западным» центрам силы усугублялось культурным превосходством – в то время как западнорусская (белорусско-украинская) традиция переживает кризис и упадок, Западная Европа находится в стадии культурного подъема (Возрождение и Реформация). Поэтому вполне закономерно в польско-литовско-западнорусском политическом союзе вслед за политическим закрепляется и культурное лидерство Польши. Начинается болезненный и противоречивый, однако достаточно устойчивый процесс инкорпорации Западной Руси в польское культурно-языковое пространство.

Это вело либо к полной ассимиляции и утрате исходной русинской идентичности, либо к преобразованию ее в региональный вариант польской, с сохранением многих местных особенностей. По такому пути эволюционировала идентичность литовской магнатерии и шляхты – «литвинство» превращалось в специфическую региональную разновидность общепольской идентичности по формуле «роду литовского, нации польской». В принципе, в аналогичном направлении могла эволюционировать и русинская идентичность. Так, белорусский историк

И. Марзалюк указывает, что в XVII-XVIII вв. древнерусское культурное наследие оставалось значимым элементом идентичности белорусской колонизированной шляхты.⁸

Как представляется, формой интеграции «русскости» в польский культурный контекст было и униатство, причем уния, в отличие от католицизма, позволяла сохранить значительно больший пласт древнерусского культурного наследия, одновременно интерпретируя его в кодах польской культуры. По сути, русины-униаты могли стать своего рода «поляками восточного обряда». Примечательно, что близкую по смыслу формулу - «поляк православного исповедания» - пытались внедрить в сознание православных жителей западной Украины и Беларуси в межвоенной Польше в XX в.⁹

В XVII-XVIII вв. на территории Беларуси формируется «высокая» дворянская и городская польскоязычная культура; таким образом, возникает перспектива интеграции белорусов в польский национальный проект, при сохранении регионального этнокультурного и исторического своеобразия, интерпретированного в кодах польской культуры.

Однако реализация этой перспективы оказалась затруднена рядом обстоятельств. Процесс колонизации протекал достаточно болезненно и вызывал ожесточенное сопротивление со стороны православного населения. И если в Беларуси, оказавшейся под контролем пропольски настроенной шляхты и магнатории, он протекал более «мягко», то на Украине, где развилось казачье движение, польская экспансия спровоцировала многочисленные войны и восстания, способствовавшие ослаблению польского государства и снижению ассимиляторских возможностей польской культуры. Сказывалось и «возмущающее» воздействие на Западную Русь со стороны усилившейся России, поддерживавшей православное сопротивление и стимулировавшей русофильские и антипольские настроения среди местного населения.

После окончательного крушения Речи Посполитой и присоединения территории Беларуси к России начинается обратный процесс – «деполонизации» и «русского возрождения». Его целью было максимально ослабить и по возможности демонтировать польское культурное влияние, создать русскоязычную городскую культуру и сформировать слой русофильски ориентированной интеллигенции. Беларусь и белорусы интерпретировались как исконная часть исторической Руси с местными этноязыковыми особенностями, которые признавались и даже

культивировались, будучи интерпретированными в контексте национального единства велико-, мало- и белорусов.

К началу 20 в. действительно удалось существенно ослабить польское влияние и нарастить русское политико-культурное присутствие в Беларуси. Возникла целая плеяда политических, культурных, религиозных деятелей (И. Семашко, М. Коялович, П. Жукович, И. Харлампович, Н. Носович, Е. Карский), внесших значимый вклад в формирование «русоцентричной» модели белорусской культуры, известной как западнорусизм. В то же время, процесс демонтажа польского и интеграции в русский проект носил весьма нелинейный и турбулентный характер. Структуры польского влияния, несмотря на формальную ликвидацию Речи Посполитой, сохраняли жизненную силу и оказывали активное сопротивление «русификации». Мечта о возрождении Речи Посполитой обуславливала необходимость выработки «польской» версии белорусской идентичности, которая выступала в качестве конкурента и антагониста «русской» модели.

Весьма примечательны в этом плане листовки К. Калиновского, который выступал не только с призывами к совместной борьбе против России белорусов и поляков, но и с апологией унии которая, как было показано выше, являлась одним из инструментов «вписывания» белорусской идентичности в польский контекст.

Русский и польский проекты для Беларуси представляли собой примеры типичного городского национализма.

Они предполагали интеграцию масс белорусского крестьянского населения в пространство «высокой» городской русской или польской культуры, что, однако, не означало тотальной утраты местной этнографической специфики, интерпретируемой в кодах соответствующей культуры. В языковом плане это предполагало возможность диглоссии: параллельного бытования «высокого» языка и местного разговорного наречия, которое признается диалектом первого и служит индикатором регионального своеобразия в рамках «большого» культурного пространства. Во многом сходным образом развивалась ситуация в Германии, где в ряде земель общенемецкий литературный язык существует параллельно с местными диалектами, получившими определенную литературную обработку, а также применение в СМИ и системе образования.

Однако в 19 в. возникает третий национальный проект – белорусский национализм, основанный на культивировании белорусской этноязыковой специфики, ориентированный на

создание «высокой» городской культуры на базе белорусского разговорного языка и вытеснение как русского, так и польского культурно-языкового влияния. Этот тип национализма вслед за О.Б. Неменским можно охарактеризовать как сельский национализм⁵. Сельский национализм возникает в этнической среде, лишенной собственной городской культуры, там, где в городах господствует «чужая» культура и язык. Его задачей является создание «собственной» городской культуры на основе сельских разговорных наречий и вытеснение из городов «чужой» культуры и языка.

Как правило, сельский национализм – это национализм «коренных» народов, оказавшихся в политической зависимости, в результате чего господствующее положение в городах и высших сословиях занимают язык и культура «завоевателей», в то время как язык основной массы коренного населения воспринимается как «низкий» и «варварский». Сельский национализм возникает далеко не всегда – нередко городская культура «пришельцев» успешно ассимилирует и иноэтничное сельское население, incorporating его в состав «нации-завоевателя».

Такова судьба полностью германизированных балтских и славянских племен на востоке Германии; на грани полной германизации находятся лужицкие сербы. Сходным образом развивалась ситуация во Франции, где французская городская культура полностью подавила достаточно развитую провансальскую традицию.

Сельский национализм возникает там, где городская культура «пришельцев» оказывается по тем или иным причинам не в состоянии полностью ассимилировать коренное население. Примером может служить Чехия, где немецкой городской культуре так и не удалось полностью подавить славянскую идентичность местного населения, результатом чего стало «чешское возрождение» и драматическое устранение немецкого присутствия в XX в. В Латвии и Эстонии, где в Средние века также установилось немецкое политико-культурное доминирование, немецкая ассимиляция потерпела фиаско по ряду причин. Относительная удаленность и изолированность Прибалтики от основного массива немецких земель существенно осложняла и тормозила немецкую колонизацию этих областей. Присоединение к России в 18 в. привело к появлению здесь конкурирующего русского влияния; кроме того, российские власти, стремясь ослабить немецкую политико-экономическую монополию, стимулировали национализм коренного населения.

Во многом сходным образом развивалась ситуация и в Беларуси. Взаимная конкуренция и борьба русского и польского «городских» национализмов существенно ослабляла их обоих, что затрудняло инкорпорацию белорусского крестьянства в тот или иной национальный проект и, в конечном счете, привело к возникновению третьей альтернативы в виде белорусского сельского национализма. Однако само по себе появление белорусского национализма еще не означало его автоматической победы. Конкуренция со стороны таких мощных традиций, как русская и польская, низкий престиж белорусского языка, в том числе в глазах его носителей – все это затрудняло формирование особого белорусского «воображаемого сообщества»; интеллектуальные и кадровые ресурсы перманентно вымывались в пользу адептов как русской, так и польской идеи.

Резкому усилению позиций белорусского национализма способствовали Октябрьская революция и образование СССР. Идеология большевиков, ориентированная на освобождение «угнетенных» народов от «империалистической эксплуатации», привела к тому, что именно белорусский национализм стал основной стратегией национального строительства в Беларуси, в то время как русская и польская альтернативы отвергались как проявления великодержавного шовинизма крупных империалистических наций. Таким образом, белорусы на официальном уровне признаются в качестве отдельного народа, начинается интенсивная работа по литературной обработке и популяризации белорусского языка. С этого времени в качестве аксиомы утверждается формула «родной язык белорусов – только белорусский».

Однако существование Беларуси в рамках СССР, формирование единого экономического комплекса делало неизбежными тесные культурно-языковые контакты белорусов и русских. Учитывая, что русский язык оставался основным языком советской культуры, и именно на русском языке формулировались основные нормы «советскости», советского образа жизни, его престижность в глазах белорусов, в том числе в сравнении с белорусским языком, оставалось высокой. Этому способствовала и внутренняя слабость и незрелость белорусскоязычной традиции, которая не смогла выработать форм «высокой» культуры, способных конкурировать с русской культурой, а также остаточное влияние западноруссизма, в рамках которого русский язык и культура воспринимались как «свои» для белорусов. Именно в

рамках СССР произошла реальная массовая интеграция белорусов в пространство русскоязычной городской культуры. С другой стороны, в это время практически полностью ликвидируется политико-культурное влияние Польши на Беларусь: массовое русскоязычие охватывает даже католическое население (чему, очевидно, способствует утрата жесткой связи с православием советизированной русскоязычной традиции).

Таким образом, в рамках СССР белорусы оформились как особая этнополитическая общность с выраженным самосознанием. В то же время, формирование этой общности происходило отнюдь не по рецептам языкового национализма: оформление «белорусскости» сопровождалось массовой языковой русификацией. Белорусский язык не стал массовым языком «высокой» городской культуры, маркируя белорусскую «особость» на сугубо символично-декларативном уровне. Как показали данные последней переписи населения, даже это сугубо символическая роль постепенно теряет свое значение.

Таким образом, проект белорусской языковой нации следует признать неадекватным национально-политическим реалиям Беларуси. Белорусы оформились как особая национальная общность, однако значение и роль белорусского языка как символа этой общности невелики. Формирования белорусского «воображаемого сообщества», краеугольным камнем которого была бы особая языковая идентичность, не произошло. Более того, попытки навязать белорусский язык в качестве единственного национального языка вызывают рост общественной напряженности и сопротивление значительной части населения (о чем красноречиво свидетельствует фиаско «белорусизации» 1991-94 гг.).

В связи с этим должна быть существенно пересмотрена роль белорусского языка в жизни общества: белорусский язык следует рассматривать не в качестве единственного или основного национального языка, но в качестве одной из языковых традиций Беларуси, как значимую, однако далеко не единственную часть белорусского культурного наследия.

В то же время, важной задачей является создание белорусской русскоязычной культуры, адекватной реалиям Беларуси и кодифицирующей ее историко-культурное своеобразие.

Очевидно, такая культурная традиция останется тесно связанной с культурой России, но, вместе с тем, не будет слепо копировать российские образцы.

Литература

1. Перепись населения 1999 г. Распределение населения Республики Беларусь по национальностям и родному языку в 1999 г. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/p6.php>. – Дата доступа: 16.06.2011.
2. Перепись населения Республики Беларусь 2009 г. Население по национальности и родному языку // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/vihod_tables/5.8-0.pdf. – Дата доступа: 16.06.2011.
3. Перепись населения Республики Беларусь 2009 г. Население по национальности и языку, на котором обычно разговаривают дома // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/vihod_tables/5.9-0.pdf. – Дата доступа: 16.06.2011.
4. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В.Г. Николаева; Ин-т социологии РАН, Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, Центр фундам. социологии. – Москва: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 286 с.
5. Неменский, О.Б. Национализм городской и сельский / О.Б. Неменский // Вопросы национализма. – 2010. – №1. – С. 49-57.
6. Мыльников, А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы / А.С. Мыльников // Маловідомі матеріали Історії України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ukrainaforever.narod.ru/etnodominazia.html>. – Дата доступа: 16.06.2011.
7. Карский, Е.Ф. Белорусы. Очерки словесности белорусского племени. Старая западно-русская письменность. Том III / Е.Ф. Карский. – Петроград, 1921 г. – 246 с.
8. Марзалюк, І. Гістарычная самаідэнтычнасць насельніцтва Беларусі ў 11 - 17 стст. / І. Марзалюк // Гісторыя Беларусі [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.albaruthenia.by/ru/art/edentete.htm>. – Дата доступа: 16.06.2011.
9. Свитич, А.К. Православная церковь в Польше и ее автокефалия / А.К. Свитич // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/s/svitich2.html. – Дата доступа: 16.06.2011.

Внешняя политика малых стран: Геополитическая мифология Армении и Нагорного-Карабахской республики¹

Лурье С. В.

Образ врага в армянской политической мифологии

На представлении армян об образе врага неизгладимый след наложил геноцид армян в Османской империи, начавшийся в крупных масштабах с девяностых годов XIX в. и закончившийся в планомерном и почти тотальном уничтожении армян в 1915 – 22 гг. От обширной некогда территории, населенной армянами и украшенной их церквями и хачкарами остался небольшой клочок. Однако проблему образа врага не следует упрощать. Отношения между народами могут быть столь же сложны как отношения между людьми.

...Существует такая армянская народная песня-предание. Начинается она с речитатива. Говориться о деревне на берегу озера Ван, пережившей турецкий погром и об армянине, потерявшем семью, израненном, пытающемся бежать. Его нагоняет турецкий аскер и собирается расстрелять. Армянин просит об одном: разрешить ему на прощанье спеть песню. Далее следует замечательно красивая песня об озере Ван. Потом опять речитатив. Турок слушает и опускает ружье. Он не может убить человека, который так поет об их родных местах и он говорит армянину: иди. Армянин поворачивается и начинает медленно удаляться. И тогда, сам не понимая как это случилось, турок стреляет ему в спину. Но акцент вовсе не на подлом выстреле в спину. Акцент - на словах «сам не понимая как это случилось». Происходит нечто, что не поддается разуму, логическому уразумению. В песне не злость, не жажда мщения, а недоумение. Притчей во языцех стала армяно-турецкая вражда. Но и в ней есть неожиданный для внешних отенок. «Не ведают, что творят», «злые дети».

Еще более отчетливо образ «злых детей» выражается по отношению к курдам.

Поскольку за последнее столетие Армения перенесла невероятное множество бед, успев и пережить тотальный геноцид в Турции, и разделить трагическую судьбу России, неудивительно, что по от-

¹ Окончание публикации. Начало см. в «Геополитика» № 8. С. 56-66.

ношению к целому ряду стран до сих пор сохраняется обида. Германия, союзница Османской империи в Первой Мировой войне, принимала косвенное участие в геноциде. Англия в конце XIX в. спровоцировала армян на крупное восстание, а затем отказала в своей поддержке - пролились реки крови. С тех пор Англию называют коварным Альбионом. Есть одна серьезная обида и на Россию - за то, что Ленин отдал Турции, то ли в надежде на революцию народов Востока, то ли в надежде получить наконец свободный проход через злополучные проливы, часть армянской территории.

Несмотря на более или менее конфликтные отношения армян с теми или иными странами, ни одна из них не может быть вполне вписана в образ врага. Враг - абстрактно-безличен. Это «державы», это клуб сильных мира сего, тех самых геополитических сил, который вершит судьбы народов.

Здесь интересен следующий нюанс. За геноцид армяне были более обижены на «державы», чем на турок. И большим потрясением для армян были не турецкие зверства, а равнодушие к ним всего мира. Зло не было наказано. В тот краткий период с 1918 по 1921 годы, когда существовала Армянская республика, считавшаяся независимой, рассматривался вопрос о приеме армян в Лигу Наций, и было решено отказать. В противном случае, за армян пришлось бы заступаться.

На Лозанской мирной конференции армянам было отказано даже в праве на «национальный очаг» и даже в моральной поддержке. После этого, как выразился лорд Керзон, «больной армянский вопрос скончался».

Армяне жили разбросанные по разным странам убежденные в тотальной несправедливости мира. Те, кто остался жить на территории принадлежавшей ранее Российской империи, предпочли сдать на милость большевикам, в уповании на то, что они все-таки русские и добывать армян не будут.

Но одна конкретная из держав как враг не воспринимается. Однако сформировался некий абстрактный образ «держав», которому и приписывается роль «источника зла». В различных частных ситуациях он может переноситься на ту или другую страну, но ни за какой из них конкретно не закреплен. Было бы правильнее сказать, что в данном контексте под словом «державы» понимаются не сами по себе страны и народы, а некая обезличенная сущность мирового арбитра, который вершит судьбами народов по своему произволу, прикрываясь маской справедливости, а между тем стремится по-своему, в зависимости от

своего удобства переустроить, переструктурировать мир. «Держава» в этом понимании и является субъектом геополитики, той силой, которая стремится низвести народы к функциям.

Становления народа, как внешнеполитического субъекта, происходит во внутреннем противодействии «державам» и состоит в переходе из состояния геополитической функции к состоянию «роли», самостоятельного игрока на геополитическом поле.

В некоем смысле понятие «державы» можно рассматривать как фантом. Оно безлично. «Держава» не субъект как таковой, а образ действия в мире. Образ покорения мира и мироуправления, который можно было бы условно назвать «технологическим». Последнее очень важно. Тот субъект, который понимается под словом «держава», действует не силой, не обычной хитростью даже, а как бы некоей «магической» завораживающей силой. Эта сила - источник зла. Ей и необходимо противостоять.

Способ внешнего действия ни одной из стран не сводится к «технологичности». Поэтому с народами этих стран можно строить субъектные «межличностные» отношения.

Парадигмы способа и условия действия в политической мифологии армян

Если признается, что существует определенная логика в процессе соперничества держав и переструктурирования в его ходе геополитического пространства, как пространства функционального, то следует признать, что и существует своя специфическая логика и в поведении субъекта, стремящегося к обретению своей роли во внешней политике. Обретение собственной роли ведет к созданию определенного субъективного поля, где перестают действовать закономерности глобальной геополитики, а в действие вступают закономерности «межличностных» отношений. Условно эту логику можно назвать логикой метафоры или логикой переносного смысла, которая определяет соотношение «текста» и «подтекста» политического действия.

Она основывается на том, что во внешнеполитическом взаимодействии между его субъектами происходит постоянный обмен «репликами», в которые вкладывается существенно значимый для них смысл и которые иногда преднамеренно, а чаще неосознанно, являются провоцированием друг друга. Внешнеполитическое взаимодействие может быть описано как диалог «провокаций», если убрать из этого слова однозначно негативный оттенок и рассматривать провокацию как элемент коммуникации.

Механизм такой провокации состоит в том, что в ходе коммуникации один предмет реальности принимается за другой и с ним связывается весь комплекс ассоциаций, закрепленный за этим другим. Между текстом и подтекстом действия возникает разрыв: тот смысл действия, который «прочитывает» провоцируемый (исходя из своих представлений) отличается от того смысла, который вкладывает в свое действие партнер, так что параллельно начинают существовать как бы две реальности, соотношения между которыми не определено, причем для обоих партнеров. Они балансируют на той грани, на которой происходит кратковременная стыковка двух различных психологических реальностей. Внешнеполитическое действие, строящееся по законам логики переносного смысла, «метафорической логики», у армян может быть очень неожиданным по своему выражению и не вписываться в обычные представления о действиях в политике. Дело в том, что внешнеполитическое действие у армян относится к сфере фактически «межличностных» отношений субъектов и взаимное провоцирование происходит в тех точках, где возможно ценностное пересечение.

Этот способ действия является крайне рискованным и большинству случаев ведет к расшибанию лба. Но только оно способно вызвать у той силы, которая стоит за геополитическим субъектом, точнее, того народа, который выступает в образе геополитического субъекта, не технологическую, а человеческую реакцию, заставить в ответ совершить также непосредственное раскрывающее его суть действие. А последнее дает, в свою очередь, уникальный шанс - подружиться с ним. Это, в свою очередь, имеет целью перенос политических отношений на другой уровень, а значит, избавление от состояния функции и приобретение своей адекватной роли. Но можно сказать и так: желание подружиться является и просто самоцелью, психологической потребностью, удовлетворение которой делает народ способным к активным действиям в мире.

Категория «союзнчества» играет такую важную роль в сознании армян и в их политической мифологии, что ее вполне можно интерпретировать в качестве парадигмы «условия действия» в армянской картине мира. Укрепление в армянском сознании стереотипа обеспечения условий деятельности путем внешнего покровительства определяло всю систему построения взаимоотношений с миром.

Идея союзничества в сознание армян связана с представлением о некоем «сакральном поле» действия, не обязательно ассоциирующегося с конкретной территорией, а скорее с конкретными условиями, обеспечивающими осуществление деятельности – а именно быть покровительствуемы некой силой. Армянская этническая философия не обладает иным пониманием условий деятельности, кроме союза с той или иной внешней силой. Такой союз ставит обязательным условием покровительство над полем своей деятельности. И самое главное, подобный союз воспринимается не как нечто вынужденное, а как наиболее ценный компонент всей системы жизнедеятельности. Любой внутренний конфликт вызывается, в основном, различным пониманием той или иной внутриармянской группой идеи и характера внешнего союза.

При этом союзничество является не игрой интересов, а жизнью. Армяне могут сколько угодно рассуждать о прагматическом союзничестве, на практике оно менее всего прагматично. В него вкладывается приблизительно то содержание, которое на «межличностном» уровне вкладывается в понятие «дружба». Союзничество без дружбы, без личной приязни и даже привязанности для армян не осуществимо. Они просто не умеют вступать в отношения, которые в международной политике принято называть партнерскими. Для них реальна либо глубокая и длительная преданность союзнику, порой в ущерб собственным интересам, либо отношения сиюминутной выгоды.

Кроме того, само представление о наличии у народа миссии предполагает и наличие представления о союзничестве за идею, которое строится на общем представлении о добре и зле, на общем идеале.

Получается, что одно и то же пространство является и полем деятельности «злых» держав, и территорией, которая находится под покровительством «добротного» союзника. Объективно этот «союзник» неминуемо должен являться одновременно и одной из «держав», иначе необъяснимо, каким образом некая территория может находиться под его покровительством. Можно предположить, что здесь мы имеем дело с определенным разрывом в логической цепочке. Субъект союзничества как бы расщепляется. Он одновременно и включается в число «держав» и исключается из него. Совокупность держав включает его, но он сам по себе в качестве державы не мыслится. Более того, мир воспринимается в качестве враждебно настроенного к «союзнику», стремящегося к его уничтожению.

Реализация роли происходит через установление отношений союзничества. Практически это означает, что функциональные отношения и функциональная зависимость трансформируется в «межличностные» отношения дружбы и преданности. На обезчеловечивающую структуру геополитического поля накладывается как бы иной слой отношений, в корне этой структуре противоречащей и ее в конечном счете уничтожающей.

Эту систему отношений легче всего сравнить с системой отношений между сеньором и его рыцарем. Рыцарь внутренне независим, никто, в том числе и сеньор, не может посягнуть на его честь и совесть. Но он предан своему сеньору и готов ему служить, если служба эта не ведет к нарушению тех идеалов, которые подразумеваются в качестве общих для сеньора и рыцаря. Он готов на лишения и всегда является бескомпромиссным проводником интересов своего сеньора, фактически отождествляя свои и его интересы.

Все это, конечно, не исключает наличие внутренних трений и отстаивания перед сеньором своих прав - но это, пока нет угрозы извне. От рыцаря невозможно ожидать, что его действия всегда будут предсказуемыми, он может действовать на свой страх и риск по своему разумению - но все это опять же, пока нет внешней опасности для них с сеньором (в этом смысле они неразделимы). Кроме того, в отличие от обычной вассальной модели, от которой мы сейчас отталкивались в своих объяснениях, отношения союзничества предполагают в их армянском восприятии, ощутимую теплоту отношения.

«Образ покровителя» в армянской политической мифологии

«Образ покровителя» в этнической картине мира армян имеет черты «*deus ex machina*» из древнегреческих трагедий - божества, спускающегося на землю в критический момент, разрубающий узел неразрешимых проблем и удаляющегося обратно на небеса. Важно постоянное присутствие «покровителя», хотя и на некотором расстоянии. Он не присутствует в обыденной жизни, но в любой сложной ситуации готов прийти на помощь, равно, что важно подчеркнуть, прийти на помощь сам по себе, не обязательно по зову. Он как бы наблюдает за жизнью народа извне и при этом служит объектом, можно сказать даже, поклонения.

Перенос «образа покровителя» на русских был и остается довольно прочным. Правда, это образ, можно так сказать, неких «идеальных русских». Это означает, что конкретные бытовые

привычки русских армянам могут вовсе не нравиться и на бытовой, и на внутривосточной почве возможны конфликты. Образ русских в сознание армян как бы двойится. Но это касается только благополучных эпох, когда ни русским, ни армянам не угрожает опасность. Так было в периоды стабильности Российской империи и Советского Союза.

Перенос «образа покровителя» на Россию произошел давно, и современной Армении, как и раньше, среди массы населения наибольшее влияние имеет картина мира, сформированная ориентацией на Россию и ее ценности. Идентифицируя Россию с образом покровителя, эта точка зрения объявляет ценностью все ее имперские установки. Служение Российской империи приобретает характер главного действия. Большинство воспринимают своих лидеров в положительном качестве, если они являются крепкими сторонниками России, и если российские власти признают этих лидеров. Если и можно говорить о наличии общественной группы с иным мировосприятием, то только в смысле наличия в армянском обществе тенденции отрицания этого доминантного мировоззрения. Именно тенденции, а не прослойки с альтернативным восприятием. Сложность этого феномена отрицания в том, что это сознание, отрицая всю систему «традиционного» мировосприятия не имеет какой-либо собственной картины видения мира.

Отношения с Россией психологически наиболее болезненная для армян тема. Вопрос о союзничестве с Россией - наиболее острый и до парадоксальности неразрешимый. И может быть потому, что в понятие «союзничество» вкладывается слишком серьезное содержание.

Однако оно дает-таки Армении возможность ощущать себя форпостом России и стражем ее интересов на Юге. С точки зрения идеологической Россия предстает тут в качестве Великого христианского царства (хотя существуют непримиримые противоречия в православном и армянском исповедании веры, но в последние полтысячелетия они на уровень политический практически не выносились). Таким образом, Армения воспринимает себя в качестве форпоста христианского мира, который, так уж это сложилось исторически, персонифицировался в образе России.

Если мы вернемся к тому описанию парадигмы «поля политического действия», о которой говорили выше и которое в армянской политической мифологии представляет собой арену соперничества геополитических сил, то мы не можем избежать

определенных ассоциаций. Форпост - это «замок», один из важнейших игровых элементов геополитического поля. А значит, мы возвращаемся к исходному пункту.

Но уже на новом уровне. «Замок» - это функция, способ оборонительно-наступательной организации территории. Форпост - субъект, который порой может и должен действовать на свою ответственность, это основное действующее лицо в геополитической драме. Его действия - осмысленны. Переход от функции замка к роли форпоста и является преодолением технологической функциональности, которая сковывает страну словно чарами.

Форпост является передовым краем чего-то, какой-то культурно-организационной единицы. Тем самым он является и частью определенного культурного пространства, носителем определенной идеологии и ценностных доминант. А это означает, что поле геополитического взаимодействия из абстракции превращается в осмысленную и ценностно обоснованную реальность. Соперничество приобретает осмысленность и позволяет включиться в него не в качестве безличной функциональной единицы, а в качестве субъекта, имеющего в нем свою роль. И даже если эта роль ограничена, не допускает полной свободы действия, то и она позволяет каким-то образом осуществлять в мире то, что народ воспринимает как свою миссию.

Это уже не соперничество внешних сил. Солидаризация с ценностными доминантами одной из этих сил действует как противоядие. Она психологически снимает парализующий налет технологичности, превращая его в борьбу культурных миров. Соответственно и армяне начинают выступать (и видеть себя) в качестве культурной силы достаточно самобытной для того, чтобы при любых обстоятельствах сохранять отчетливую самоидентичность, причем исторически и традиционно встроенную в более широкую культурную целостность. А это подразумевает и служение идеалу, и «сеньору» в качестве носителя этого идеала, и психологическую уверенность в покровительстве себе.

Преодоление того образа политического взаимодействия, который изначально воспринимается как зло, осуществляется путем наполнения его смыслом. Поле политического действия превращается, таким образом, в арену борьбы добра и зла, где уже нет места геополитической функциональности, где каждый на своем месте может стать бойцом за идеалы добра.

Противоборствующие интересы перестают восприниматься как чужие. Это интересы сил зла и сил добра. Паутина «технологичности», фрагментарности, неопределенности перестает оказывать свое сковывающее самостоятельную активность действие.

Но все это при условии постоянной и неустанной борьбы за возможность выполнения собственной миссии. Стоит только расслабиться, отдаться течению событий и осмысленность арены соперничества теряется, а вместе с ней теряется осознание собственной роли в нем; народ становится функциональным придатком к тому, что воспринималось как сила добра. И тогда это уже и не сила добра, а внешний субъект, борющийся за власть над регионом и использующий все те же «технологические» методы. Таким образом, достижение роли требует постоянного напряжения и постоянного осознания смысла собственной деятельности. Потеря своей идентичности в качестве культурного субъекта оборачивается катастрофой.

Рецензии

Карл Шмитт. Понятие политического. – М.: ООО Научно-издательский центр «Инженер», 2011. – 290 с.

Савин А.В.

Книга содержит две работы выдающегося немецкого мыслителя – собственно, «Понятие политического» и «Земля и море» (которая уже известна русскоязычному читателю по различным изданиям). Кроме этого, приложение, которое занимает половину книги, представляет собой работу К.-Г. Ригеля «Политическая религия», которая посвящена тоталитарным политическим системам XX столетия.

В первую очередь нас интересует именно небольшая, но важная работа Карла Шмитта, вынесенная в заглавие книги. В ней дается анализ эволюции политических форм Европы посредством взаимодействия государства и общества. И, прежде всего, автор начинает свое изложение с понятия политического, настаивая на правильной трактовке этого термина. По Шмитту «определить понятие политического можно на основании выявления специфики политики, ибо она имеет свои собственные категории, которые отличают ее от других относительно самостоятельных областей, таких как мораль, эстетика и экономика. Понятие политического должно заключаться в различениях, к которым можно свести все политические действия» (С. 21). Собственно, это различие на друга и врага, которое красной нитью проходит через все произведение. А поскольку понятие врага подразумевает ведение войны, то этот аспект также анализируется немецким юристом, который настаивает на экзистенциальном понимании как «врага», так и «борьбы». Также весьма показательным его высказывание о том, что «любое политическое действие – это всегда боевое действие» (С. 27), которое недвусмысленно указывает на убогость современной недополитики многих государств с ее условными дипломатическими церемониями и рафинированной риторикой. Из него же вытекает тезис о том, что «мир без войны стал бы миром без политики» (С. 29).

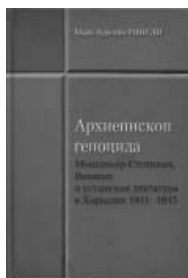
Весьма ценными являются замечания Карла Шмитта в отношении либерализма, который он критикует за идеологическую несостоятельность и непоследовательность в отношении политического различия (попытки произвести редукцию от категории врага к категории конкурента или оппонента). Показывая в ретроспективе буржуазно-либеральное извращение политики, Шмитт обращается к Гегелю, который отмечал, что буржуа не желал покинуть сферу неполитического частного и находил «возмещение своей политической ничтожности в совершенной безопасности, с которой можно наслаждаться имуществом» (С. 52). Так как либерализм по своей сути основан на борьбе с любыми ограничениями индивидуальной свободы и частной собственности он никогда не приведет к позитивной теории политики, и он будет «озабочен исключительно борьбой против государственной власти» (С. 59) и обречен на метания между полюсами этики и экономики, духа и гешефта.

Также весьма показательна сентенция К. Шмитта о том, что понятие политического не подразумевает плюрализма мира государств, так как политический мир является поливерсальным, а не универсальным. Политическое единство по своему существу не может охватывать весь мир, следовательно, понятие «человечество» не может быть политическим. Более того, от имени человечества нельзя вести какие-либо войны под каким-либо предлогом так как «человечество как таковое не может вести никакой войны, ибо у него нет врага на этой планете» (С. 45). Хотя США постоянно обосновывают свою интервенционистскую политику именно стремлением оградить человечество от возможных угроз, государств-мошенников и террористов. Происходящие агрессии против различных стран со стороны США и их союзников (обоснованные в международных инстанциях) уже давно предвидел немецкий политолог – экономиста стала судьбой потому, что стала политической, и империализм использует экономические санкции именно как средство своей политики из-за чего они не являются менее воинственными (С.67). Аналогичные сдвиги были предвидены и в терминологии, чтобы не использовать слово война будут найдены пацифистские слова типа умиротворения, санкции, защита договоров, мероприятия по обеспечению мира.

Тем не менее, несмотря на аполитичные действия различных держав, им не уйти от последствий политического, что, похоже, не учитывают руководства многих государств нынешнего времени. Отказаться от политических решений нельзя, ибо политическое никогда не исчезает из мира. Исчезает только слабый народ,

«когда у него нет больше силы или воли удержаться в сфере политического» (С. 44).

Марк Аурелио Ривели. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941-1945. – М., 2011. – 224 с.

Ватикан издавна был тесно связан с различными политическими режимами и играл важную роль в международных отношениях, как в Европе, так и на других континентах. Сам термин «иезуитство» приобрел негативный оттенок именно за умение католических деятелей плести интриги, устраивать заговоры и применять порой самые жесткие меры вплоть до убийства неугодных. Данная книга является историческим свидетельством именно крайней формы проявления такой политики во времена диктатуры усташей в Хорватии во время Второй мировой войны. Автор является итальянцем по происхождению, что вместе со ссылками на источники (в т.ч. хорватские) и блоком фотодокументов придает объективность и значительный научный вес этой работе.

В книге в хронологическом порядке описаны действия, которые предшествовали образованию Хорватского государства во главе с диктатором Павеличем, сотрудничество с Ватиканом и нацистами, институционализация идеологии усташей, этнические чистки, ответные меры после прихода к власти коммунистов в Югославии в 1945 г. и роль западных спецслужб в помощи усташам после начала репрессий против них.

Цитируя переписку хорватских военных деятелей и духовных лиц, а также официальные заявления, свидетельские показания и публикации в прессе, автор воссоздает картину физического уничтожения сербов, евреев и цыган, которые зачастую в духе гитлеровской расовой политики. Если нацисты в Германии обязывали евреев носить повязку со звездой Давида, то сербов в Хорватии вынудили носить аналогичную с буквой «П» (православный), а позже приступили к планомерному истреблению нехорватского населения (например, с 1941 по 1945 гг. более половина

еврейского населения, включая всех раввинов, была уничтожена), уничтожению православных храмов, синагог, библиотек с духовной литературой. И в этом далеко не последняя роль принадлежала Ватикану и его представителю в Хорватии архиепископу Алоизие Степинацу. Достаточно привести цитату из газеты “Katolicki Tzednik”: «До сего дня Бог говорил через Папские Энциклики, через благовестие, учительные книги и христианскую печать, посредством посылки миссионеров и героических примеров святых. Но они (православные сербы) не проявили никакого внимания. Они остались бесчувственны. Теперь Бог решил употребить другие средства. Он вдохновил наш труд, нашу вселенскую миссию! Она будет проводиться не клириками, а истинными солдатами Гитлера. Наконец, с помощью зениток, пулеметов, танков и бомбардировщиков благовестие будет услышано».

В книге довольно подробно описаны как различные зверства усташей, так и степень участия в них католических священников, которые производят сильное впечатление, однако, как указано в предисловии, написанном митрополитом Фиванским и Ливадийским Иеронимом, эти впечатления и разжигание страстей «не смогут принести нашей эпохи и перспективам нового тысячелетия ничего значимого». И если митрополит призывает к ответственности священнослужителей и избежанию конфликтов, то для геополитики любая критика и самокритика сейчас должна осмысляться вместе с текущими процессами, включая деятельность и религиозных организаций, тем более, если они интегрированы в международную деятельность.

Савин Л.В. К геополитике. – Сумы: Университетская книга, 2011. – 292 С.

Алтухов В.В.

Геополитика, как наука, еще совсем не давно, на постсоветском пространстве, считалась уделом политических интеллектуалов, стратегов, историков. Стоит отметить, что набрав популярность само понятие «геополитика» в какой-то мере утратив первоначальный смысл, стало ассоциироваться с различными процессами подчас абсолютно отстраненные от

геополитической проблематики. Опасаясь нарваться на труды подобного рода «экспертов» и «политологов» с небольшим подозрением отношусь к работам, в названии которых присутствует слово «геополитика». Однако, книга Леонида Савина «К геополитике» вызывает интерес, начиная непосредственно с названия, которым автор приглашает читателя отправиться в путь, в интеллектуальное путешествие, совершить движение по направлению к геополитике.

Автор Леонид Савин – главный редактор информационно-аналитического портала Геополитика.Ру, а так же главный редактор журнала «Геополитика», один из ведущих российских экспертов-геополитиков, постоянный участник научных конференций, посвященных проблемам геополитики. Разносторонность автора отложила свой отпечаток и на содержание книги, которая представляет собой сборник публикаций, структурированный на три части.

В первой части собраны статьи, опубликованные автором за последние несколько лет, в которых затронут весьма широкий спектр тем. Читатель может познакомиться с причинами упадка геополитической науки в США, возрожденной в начале 1980-х годов, а так же с последующим возникновением новых направлений в геополитике, и о влиянии на эти процессы развитие инфосферы. Стоит отметить, что во многих своих работах автор говорит о важной роли в обществе, которую стали играть информационные технологии, и о том влиянии, что оказывают СМИ на поведенческие модели, используя в том числе различные методики языкового планирования для манипуляций сознанием масс. Все это в свою очередь многократно увеличило значение исследований коммуникационных процессов.

Часть статей посвящены геополитическому анализу конкретных регионов, в том числе и на постсоветском пространстве, при этом присутствует и футурологический сценарий, основанный на прогнозе полковника ВВС США Дэвида Шанка, в котором он предсказывает военный конфликт между Россией и Китаем, в ходе которого Поднебесная захватит Сибирь с ее природными ресурсами.

В работах, посвященным экономическому аспекту, рассматриваются методы влияния международных институтов, таких как Всемирный Банк и Международный Валютный фонд, на экономики развивающихся стран, включая страны СНГ. При этом уделяется серьезное внимание финансируемым этими институтами проектам.

Так же в своих статьях Л.В. Савин часто затрагивает тему США, проводя серьезные исследования нарушений международного права со стороны США, подробно разбирает высказывания особо важных персон государства, указывает на реализации различных американских проектов направленных на милитаризацию космоса. Все это формирует ясное понимание действий ведущего актора международной политики и позволяет оценить широкий спектр мысли американской геополитической школы.

Часто встречаясь с интересными людьми, во время интервью или просто в частной беседе, был накоплен массив материала, изложенный автором во второй части книги. Темы бесед только на первый взгляд могут показаться разнящимися, на самом деле их объединяет магистральная геополитическая линия. О чем бы ни шла речь: о проекте «Великая Армения» или о настроениях, царивших в советской армии в период распада СССР, о человеческой природе или о необходимости деконструкции мифов, даже в разговоре о смерти неолиберальной идеологии идет постановка вопроса о том, что миру необходима сила, уравновешивающая одностороннюю доминацию США.

В третьей части своей книги Л.В. Савин предлагает ознакомиться с докладами, прочитанные им на международных конференциях, в которых с научной точки зрения рассматривается обоснованность и необходимость евроинтеграции бывших стран соцсодружества и стран СНГ, деструктивное влияние строительства однополярного мира на Балканы, изучение такого явления как глобализация и поиск альтернативных решений в области поведенческих и экономических моделей. Исследования в сфере безопасности, анализ прогнозов развития различных угроз, в топике разделения действующих акторов на мультицентричных и государствоцентричных, рекомендации по формированию стратегической позиции и нейтрализации конфликтов как силовыми, так и неконвенциональными методами.

Резюмируя все выше сказанное о книге, хотелось бы отметить, что автору удалось широко представить фундаментальный геополитический анализ актуальных проблем, вызовов и угроз, динамики международных отношений, изменений баланса геополитических сил.

Leszek Sykulski, «Ku Nowej Europie :
perspektywa związku Unii Europejskiej i
Rosji», wydawnictwa: Instytut Geopolityki i
Alfa24, Częstochowa 2011

Гулевич В.А.

Книга руководителя Института геополитики в Ченстохове Лешека Сыкульского «К новой Европе. Перспективы отношений Евросоюза и России» (уже послужила причиной эмоциональных комментариев в польскоязычном сегменте Глобальной Сети. Оценки этой книги варьируются от хвалебных до однозначно критических. Равнодушных и эмоционально индифферентных нет. И этому есть объяснение, поскольку геополитические аспекты союза Москвы и Варшавы, затрагиваемые Л. Сыкульским, не могут не вызывать у польского читателя эмоциональных переживаний.

Предложенная автором идея континентального блока от Парижа до Владивостока имеет много общего с геополитическими концепциями бельгийца Жана Тириара о «Евро-советской империи от Дублина до Владивостока». Как и Ж. Тириар, Л. Сыкульский постулирует факт, что Европе, даже объединённой, не хватает геополитической мощности и масштаба для того, чтобы освободиться от англо-американского влияния. Автор подсказывает смелый, но наиболее оптимальный выход из создавшегося положения – объединение Европы с континентальной массой России. От двухчленной схемы США – Европа Л. Сыкульский предлагает перейти к схеме Европа – Россия. Сохраняется количественный масштаб, но меняется геополитическая суть. По мнению Л. Сыкульского, блок континентальных государств имеет все шансы превратиться в «одну из сильнейших, если не сильнейшую геополитическую концепцию в истории» [с.84]. Автор подвергает критике политику британцев в Европе, направленную на раскол европейского единства, умело освещает заинтересованность Вашингтона в подобной практике Лондона и предлагает польской элите и интеллектуальному сообществу

радикально пересмотреть роль Польши в сложившейся ситуации. Польской истории характерна одновременно героичность и депрессивность. Тесное переплетение этих двух начал формирует то самое, иногда необъяснимое, польское видение истории взаимоотношений русских и поляков. Л. Сыкульский усматривает в пресловутом «польском комплексе» заикленность на негативных моментах русско-польской истории, чрезмерную приверженность теме жертвенности Польши перед Российской империей и СССР, «культу мёртвых» и толкованию польской истории как непрерывного страдания, чей неизгладимый отпечаток делает польскую культуру столь активно депрессивной и непримиримой во взаимоотношениях с восточным соседом [с.101]. Л. Сыкульский призывает к образованию оси Париж – Берлин – Москва. Естествен вопрос, каково место Варшавы в этом союзе. Если Польша и дальше будет полагаться только на Вашингтон и Лондон, она может остаться наедине с собой, выпав из трёхсоставной оси самых мощных государств Евразии. Поэтому дополнить и усилить евразийскую ось – в интересах же самой Польши. Залогом укрепления польского авторитета в Европе автор считает союзнические отношения с Москвой и отказ от инерционного мышления в стиле «холодной войны» и посткоммунистической Польши.

Оппоненты усматривают противоречивость концепции континентального блока Л. Сыкульского в том, что он включил сюда Францию, державу преимущественно талассократического (атлантистского) характера. В геополитическом плане талассократия проявляет себя в стремлении посредством сильного военного флота контролировать морские коммуникации и стратегически важные прибрежные зоны, отрезая от выхода к морю своих континентальных соперников, заставляя их экономически «задышаться» внутри сухопутных масс. Ведь если Франция, так же, как США и Великобритания, талассократична (т.е. принадлежит к цивилизационному типу Моря), тогда в своих базовых геополитических установках она должна быть во всём противоположна континентализму Германии и России, и находиться с ними в непримиримой оппозиции. Но это противоречие кажется существенным только на первый взгляд. Парижу действительно свойственны талассократические черты, что мы видим из французской истории. Уже в XVII веке Франция заявила о себе как о колониальной державе с мощным флотом и экспансионистскими устремлениями. Французские колонии появлялись в Азии,

Африке, Америке. Процессы деколонизации, охватившие страны третьего мира в XX веке, болезненно отражались на состоянии французского общества, которое неохотно отказывалось от империалистического наследия. Тем не менее, Франция всегда неслала в себе определённый заряд континенталистского мышления. Вспомним призыв де Голля о единой Европе от «Лиссабона до Владивостока», его стремление вывести Францию из-под англосаксонского влияния. Вспомним возврат Франции к политике голлизма при Жаке Шираке и тесные отношения с континенталистской Германией. Сегодня, с приходом в Елисейский дворец Никола Саркози, Париж вновь склоняется к политике атлантизма, но сама фигура Саркози у французов популярностью не пользуется. Поэтому нахождение Парижа в одной связке с Москвой и Берлином кажется оксюмороном только на первый взгляд.

Не менее критичен взгляд автора на состояние современной польской геополитики, которая серьёзно «больна» западничеством. Безудержная ориентация на американскую геополитическую мысль лишает польскую геополитику инициативности, заставляет её двигаться в русле американского научного экспансионизма. Англосаксонские концепции, по мнению автора, - это «отдельный смысловой стиль, воздействующий на широкие массы интеллигенции (учёных, журналистов, политиков) и обывателей через экспорт геополитических кодов в соответствии с интересами Вашингтона» [с.102]. Американская мысль в Польше превратилась в метаязык, интеллектуальную матрицу и трансмиссию политических идей. Разбить эти рамки, выйти за обозначенные «красными флажками» интеллектуальные просторы – таков девиз Л. Сыкульского.

И, как следствие, подвергается критике польская внешняя политика на восточном направлении. Проект «Восточного партнёрства» получает у автора трактовку «Партнёрства против России», поскольку его суть – «в интеграции части евразийского пояса для создания геополитического противовеса российскому центру силы» [с.106]. Эта концепция наводит на доктрину польского прометеизма, автором которой выступил Юзеф Пилсудский, ставший позднее руководителем II-й Польской Республики. Сторонники прометеизма, призывая к разделу России по этническим швам, выступали за поддержку Польшей националистических движений на территории СССР от Украины и финно-угорских республик до Кавказа и Средней Азии. «Такая постановка вопроса приведёт к дестабилизации континента, а не

его интеграции», - указывает автор, называя современных приверженцев прометейской политики «пассажирами с просроченной визой» [с.107] . То же мнение он высказывает о частичной реанимации концепции «Междуморья (конфедеративного государства, от Чёрного до Балтийского моря, в составе Польши, Прибалтики, Украины, Белоруссии, Венгрии, Румынии, Молдавии, Чехословакии и части Югославии), выдвинутой Юзефом Пилсудским после I-й мировой войны, и сегодня трактуемой на все лады.

Л. Сыкульский первоочередную задачу, стоящую перед польской элитой, видит в организации безопасного пространства в Центрально-Восточной Европе. Польша могла бы выступить инициатором нового порядка, привлекая Турцию, Россию, Германию, Италию и Францию: «Польша должна выступить инициатором новой системы безопасности на континенте... Его главными участниками должны быть самые крупные государства этого региона – Германия, Польша, Россия, Италия и Турция, а также Франция...» [с.108]. Геополитический конструкт Париж – Берлин – Варшава – Москва – Анкара - Рим Л. Сыкульский называет «Новым Междуморьем», нацеленным, в отличие от доктрины «Междуморья» Ю. Пилсудского, не против России, а против гегемонии США и Британии. В зону влияния нового блока попадали бы Адриатическое, Балтийское и Чёрное море, что означало бы вытеснение англосаксов за пределы Европы.

Книга Л. Сыкульского – интеллектуально смелый шаг. Шквал критики и голоса одобрения – всё выпало на долю автора. В чём-то с ним можно не согласиться, но то, что Л.Сыкульский обозначил потенциалы для интеграции «нового качества» в Европе, заслуживает, как минимум, внимания и изучения.

События и последствия. Июнь 2011 года.

Первый летний месяц как всегда был жарким от целого ряда резонансных внешне и внутривнутриполитических событий. Начало сезона отпусков, каникул и туристических поездок всегда сопровождается целым рядом различных потрясений, по типу военных действий, терактов, чрезвычайных ситуаций или авиакатастроф. На этот раз исключения не случилось.

Началось всё с череды взрывов армейских складов в России. Сразу два склада взлетели на воздух с промежутком в неделю в Удмуртии и Башкирии. На лицо явная диверсия направленная либо на сокрытие кражи боеприпасов для непонятных целей, либо на подрыв обороноспособности. Показательно, что никто не сообщает какие именно боеприпасы хранились на тех складах, поэтому не удивительно, если окажется что взорвалось что-нибудь дорогое и ценное, как во время прошлогодних лесных пожаров в Подмоскowie, когда сторел склад ВВС с высокоточными ракетами воздух-земля. Судя по кадрам с мест взрывов, боеприпасов там было как минимум на дивизию.

17-ого числа во время Петербургского экономического форума был подписан злополучный контракт на поставку французских вертолётноносцев «Мистраль», что свидетельствует о том, что дружба Медведев-Саркози оказалась важнее судеб тысяч русских инженеров и конструкторов, а также наших отечественных кораблестроительных КБ. Более того, французская сторона так и не согласилась передать нам целый ряд технологий, без которых эти корабли - не более чем большие посудины для перевозки крупногабаритных объектов.

23 июня произошло ещё одно ужасное событие в нашей оборонке - разбился МИГ-29, оба пилота погибли. Это была экспортная модель, предназначенная для поставок в Индию. После целого ряда катастроф, задержек поставок, некачественных запчастей, волокиты в переговорах чиненной нашим руководством, индийская сторона скорее всего вообще откажется от российской военной техники. Всё это безусловно очень негативно повлияет на обороноспособность Индии в условиях растущей военной мощи Китая и Пакистана.

И на этом военно-политическая тематика этого месяца к сожалению не исчерпана.

Продолжается усиление военного присутствия НАТО в Средиземном и Чёрном морях. 12 июня для участия в учениях

«Сибриз», проводимых альянсом совместно с ВМФ Украины, к Крыму подошел американский крейсер «Монтерей», оснащенный системами ПРО театра военных действий. Появления корабля данного класса вблизи наших границ вызывает реальные опасения, ведь это судно является частью стратегической военной инфраструктуры США. И совершенно очевидно, что для отработки спасения на воде такое судно не нужно.

В это время корабли похожего типа продолжают осыпать ракетами берега некогда мирной и спокойной Ливии. Муамар Каддафи, чье уничтожение очевидно стоит в первостепенных планах сил НАТО в регионе, продолжает отчаянно сопротивляться, как в наземных сражениях с боевиками из Бенгази, так и с редкими успехами против сил западной коалиции.

В бессильной злобе Запад только и смог что объявить лидера Джамахирии международным преступником, выдав ордер на арест через МУС, да и начать минирование мирных вод, нарушая все мыслимые международные нормы.

Еще более «жаркой» стала ситуация в Сирии и в Иране. В первой стране проходит крупномасштабная диверсионная война силами наёмников и западных спецподразделений. Сотнями уничтожаются полицейские во время массовых акций «гражданского неповиновения». События явно развиваются по ливийскому сценарию. Уже заморожены счета и введены санкции, идёт обсуждение возможной резолюции в ООН, принятию которой пока что сопротивляется российская сторона, что вряд ли как-то изменит ход событий. Параллельно происходит накал обстановки на сирийско-израильской границе, столкновение на которой вполне может быть использовано как предлог для агрессии. Естественно, если таковая состоится, то будет она направлена не только на Сирию с президентом Асадом, но в первую очередь на ее союзника - Иран. Эти два государства находятся в военном и политическом союзе, и удар по одному из них будет означать нападение и на другого.

Трагическое событие произошедшее на предпоследней неделе июня под Петрозаводском пополнило список погибших при странных обстоятельствах людей так или иначе помогавших Ирану в создании его промышленности и военного потенциала. 21 июня разбился ТУ-134 на борту которого, среди прочих пассажиров летели 5 сотрудников «Росатома», участвующих в строительстве Бушерской АЭС. По мнению ряда аналитиков это была операция Моссада, что связывают с убийствами иранских ядер-

щиков и загадочную смерть заместителя главы ГРУ, работавшего по Иранскому направлению.

Также в июне был ряд экономических событий. Как уже было сказано выше, в середине месяца в Петербурге прошел международный экономический форум, и огорчил он не только новостью о «Мистралях». Медведевым было озвучено принципиальное решение о изменении участия государства в экономике - была провозглашена фактически новая волна либерализации. Отныне государство лишится и того немногого, что ещё осталось в его ведении, а именно стратегических предприятий, которыми раньше управляли государственные компании. Абсолютно понятно кому в руки попадут все эти активы - как и всё остальное в России это добро достанется мировым финансовым семьям. То что будет им не нужно они уничтожат, а остальное будут эксплуатировать в своих интересах. Этот процесс с заявлением Медведева вошёл в России в заключительную фазу своего развития. «Глобальный рейдер», захвативший в 90-ые гг. наш финансовый сектор, в 00-ые - средний и крупный бизнес плюс ресурсный сектор, захватит за 10-ые и стратегический.

Во время Петербургского экономического форума ни разу не вспомнили про экономическое пространство СНГ, это при том, что многие страны этого региона нуждаются в помощи со стороны России. К примеру совершенно бедственным становится ситуация в Белоруссии. На фоне тяжелейших экономических проблем, европейских санкций и народных волнений, наше руководство толком даже не удосужилось вовремя выделить финансовую помощь братскому народу. Дошло до того что раньше нас это сделал Китай.

Страшная ситуация складывается и на Украине. Сейчас уже становится очевидным, что те кредиты МВФ и Всемирного банка, которые страна набрала за бытность Ющенко, приведут через год-другой к полному экономическому и социальному краху. На этом фоне недавняя китайско-украинская декларация, в соответствии с которой китайская сторона обязуется не применять ядерное оружие против Украины, кажется просто смехотворной, так как в виду полной деградации экономики, население достигнет минимальных значений за очень короткий срок, и страну можно будет захватывать просто голыми руками.

Собственно говоря такая перспектива ожидает всё постсоветское пространство, если вектор его социально экономического развития не изменится в сторону взаимной интеграции по меньшей мере Украины, Белоруссии, Казахстана и России.

Сведения об авторах

Алтухов Вячеслав Викторович – сотрудник информационно-аналитического отдела Международного «Евразийского движения».

Бовдунов Александр Леонидович – аспирант кафедры социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Гермушка, Эрик (Erik Germuška) - аспирант Прешовского университета в Прешове, Словакия.

Гулевич Владислав Александрович - политический аналитик (Украина).

Лурье Светлана Владимировна – доктор культурологи, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН.

Октавиан Раку - журналист, социолог, член редколлегии консервативного журнала АХА (Кишинев).

Савин Леонид Владимирович - главный редактор журнала «Геополитика» и интернет портала Геополитика.Ру.

Степич, Миломир (Миломир Степић) – доктор географических наук, профессор Факультета международной экономики Мегатренд университета в Белграде.

Шаповалова Александра Игоревна - кандидат политических наук, Дипломатическая академия Украины при МИД Украины.

Шимов Всеволод Владимирович - кандидат политических наук, эксперт Аналитического центра ЕсооМ (Минск).

Конференция по геополитике. А н о н с

4 октября 2011 г. на базе кафедры международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова состоится международная конференция по теме «Геополитика многополярного мира».

Предлагается рассмотреть следующие темы:

- Теория многополярности в мировой политической системе;
- Геополитика энергоресурсов;
- Альтернативные политические модели;
- Четвертая волна глобализации;
- Мультицентричность и новые акторы геополитики;
- Роль религии и культурной (языковой, этнической) идентичности в государственной политике;
- Информационные технологии, пространство и постполитика;
- Новые риски и конфликты;

К участию в конференции приглашаются ученые, студенты, политологи, представители дипломатических миссий.

Рабочие языки конференции - русский, английский.

Оргкомитет не производит компенсацию иногородним участникам за проезд и проживание в Москве.

Для участия в конференции необходимо отправить в оргкомитет конференции заявку и тезисы (до 15 августа), а после подтверждения участия - полный текст доклада (до 1 сентября).

В заявке должны быть указаны полные Ф.И.О., контактный телефон и e-мэйл, место работы (учебы), должность (звание) и ученая степень.

Требования к оформлению материалов:

Тезисы представляются в электронном виде как текстовый документ Microsoft Word - 14, полуторный интервал, объемом не более 3 страниц.

Текст статьи - не более 20 тысяч знаков. Ссылки на литературу в тексте статьи - в квадратных скобках. Список литературы размещается в конце текста и отделяется пустой строкой.

Инфографика должна быть представлена отдельными файлами в формате JPG, Gif, TIFF

Русскоязычные тезисы и публикация должны содержать резюме на английском языке.

В названии файла с тезисами и статьей должна быть указана фамилия автора. Например: Ivanov_geopolitica.doc

Материалы, а также предложения должны быть направлены в Оргкомитет конференции: **geopolitika.ru@gmail.com**

Председатель оргкомитета - **Савин Леонид Владимирович.**

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск X, 2011. - 120 стр.

Печатается по решению кафедры
Социологии Международных
Отношений Социологического факультета
МГУ им М.В. Ломоносова.

© – авторы.

Адрес редакции:

РФ, 115432 г. Москва, 2-й Кожуховский пр. д 12, стр. 2

Тел. (495) 679 25 11

Факс (495) 783 68 66

Geopolitika.ru@gmail.com

www.geopolitika.ru

Подписано в печать 29 июня 2011 г.